

ЛЮБИМЫЙ

ДЕТЕКТИВ

ДВЕРЬ В СТЕНЕ ТОННЕЛЯ

Николай Черкашин

Любимый детектив

Николай Черкашин

Дверь в стене тоннеля

«ВЕЧЕ»

2018

Черкашин Н. А.

Дверь в стене тоннеля / Н. А. Черкашин — «ВЕЧЕ»,
2018 — (Любимый детектив)

ISBN 978-5-4484-7543-6

Капитан милиции Еремеев в поисках сексуального маньяка по стечению обстоятельств оказывается втянутым в мафиозную группировку, занимающуюся похищением людей, продажей наркотиков и ядов для тех, кто желает уйти из жизни. Герой попадает в чудовищный мир насилия, убийств и шантажа. И кажется, вырваться из этого мира невозможно...

ISBN 978-5-4484-7543-6

© Черкашин Н. А., 2018

© ВЕЧЕ, 2018

Содержание

Часть первая. Красиво уйти...	6
Глава первая. Талисман несчастья	6
Глава вторая. Капитан Еремеев, следователь...	8
Глава третья. Зачем одноногому велосипед?	13
Глава четвертая. Снявши голову, по волосам не плачут	15
Глава пятая. Должностное преступление, или Операция «мусор»	18
Глава шестая. Паук-птицеед	22
Глава седьмая. Кое-что из военно-полевой хирургии	34
Глава восьмая. Хоть кого в хотьково не принимают	43
Глава девятая. Экспедиция за золотом Колчака	50
Глава десятая. Сломай дом, построй корабль	59
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Николай Черкашин

Дверь в стене тоннеля

© Черкашин Н.А., 2018

© ООО «Издательство «Вече», 2018

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2018

Сайт издательства www.veche.ru

* * *

*Татьяне Очировой, Владимиру Ачканову, всем бесследно сгинувшим
в окаянные дни*

«...Сегодняшний преступник никого и ничего не боится. Он строит себе коттеджи и замки, ездит в “мерседесах” в сопровождении машин ГАИ. Преступные группировки проводят своих депутатов в Госдуму и даже пытаются внедрить своих людей в аппарат Президента».

Директор Федеральной службы контрразведки. «Ужасную тайну открыли английские журналисты Гарри Ву и Сью Ллойд-Робертс. Они уверяют, что за 30 тыс. долларов в Китае уже через 10 часов пациенту могут произвести операцию по пересадке органов. Дело в том, что нужные органы там будто бы получают от казненных преступников, а место казни всего в 4-х часах езды от клиники. И казнят приговоренных чуть ли не по звонку организаторов этого чудовищного “бизнеса”».

По материалам газеты «Известия» 1990-х годов.

Часть первая. Красиво уйти...

Глава первая. Талисман несчастья

Сексуальный маньяк по розыскной кличке Вантуз, он же бывший инженер-электронщик Биба, охотился на женщин в их же туалетах.

Когда Карина Табуранская, пассажирка авиарейса Венеция – Москва, прошла из таможенного зала в туалет, ловя на всем пути от трапа до стеклянной двери с силуэтом дамской головки мужские взгляды, расталкивая зрителей точеными, высоко открытыми мини-юбкой коленками, она не обратила никакого внимания на очкастую, с рыжими кудряшками уборщицу в синем халате, вытиравшую тряпкой кафельную стенку. Зато уборщица при виде девушки вдруг замычала, как это делают глухонемые, замахала рукой, показывая, что в эту кабинку нельзя, а можно только в ту, которую она только что вымыла, и даже услужливо распахнула дверцу. Сняв с плеча дорожную сумку, Карина вошла в кабинку. Последнее, что осталось в ее тут же погасшем мозгу – это рыжая уборщица, которая вдруг схватила ее за руку. Чудовищный электроразряд, пронзивший все тело, лишил несчастную сознания. Она, конечно, рухнула бы на черный плиточный пол, если бы глухонемая рыжуха не подхватила ее и не усадила обмякшее тело на крышку унитаза, после чего стремительно бросилась к входной двери и повесила на ручку картонку: «Санитарный час. Ближайший туалет в правом крыле аэровокзала». В следующую секунду уборщица была уже в кабинке с беспомощной пленницей и, щелкнув запорчиком, принялась за дело. Расстегнув синий халат и обнаружив под ним все признаки вздыбленного мужского естества, уборщица – впрочем, какая теперь, к черту, уборщица! – сексуальный маньяк Вантуз задрал и без того коротенькую юбчонку бездвижной жертвы, стянул ажурные трусики и, усадив безвольное, довольно тяжелое тело на колени, обнаружил, что возжеленное место чем-то занято. «Тампакс», – безошибочно определил Вантуз и с ловкостью гинеколога отыскал кончик нити. К величайшему изумлению, вместо гигиенического тампона он вытащил черную пластиковую копию своего орудия преступления, только раза в два поменьше. Хмыкнув и повертев диковинку перед близорукими глазами, он сунул черный фаллос в карман халата. Пригодится. Чем не талисман? Но новоявленный талисман не принес удачу. Дверь в дамский туалет с грохотом распахнулась, и сварливый бабий голос отчаянно запричитал:

– Это что же такое деется-то, а?! Я же час как все убрала! Это что ж тут за помощнички непрошенные объявились?! Варька, что ли, не в свои дела лезет?! – вопрошала законная хозяйка туалета пустынные кабинки. Вантуз оторопело замер. Такое в его практике случилось впервые. Бабий голос еще раз помянул наглуую Варьку, громыхнуло порожнее ведро, хлопнула дверь и всамделишная уборщица пошла выяснять служебные отношения.

Медлить было нельзя. Застегнув халат и поправив рыжекудрый парик, Вантуз осторожно выглянул из кабинки. Путь к отступлению свободен. Бросив сожалеющий взгляд на недоставшуюся добычу, бывший инженер-электронщик сунул дорожную сумку пассажирки в свой рабочий мешок, из которого торчали щетки и ершик, снял с шеи девушки золотую цепочку со знаком Девы, вынул из уха золотую же сережку, с другой возиться не стал – дрожавшие от страха и неутоленного возбуждения пальцы не смогли расстегнуть защелку. Рвать сережку из мочки Вантуз боялся, опасаясь, как бы жертва не пришла в себя.

В мужском туалете пожилой араб, стоявший у писсуара, недовольно покосился на рыжую уборщицу, бесцеремонно швырнувшую брезентовый мешок на подоконник. Смочив тряпку голубой жидкостью, блюстительница чистоты принялась старательно оттирать хулиганскую надпись под строгой табличкой «Не бросайте окурки в писсуары», «потому что, – продолжала чья-то озорная рука, вооруженная красным фломастером, – их трудно потом раскуривать».

Араб с чувством оскорбленного достоинства – дикая страна! – застегнул ширинку и покинул писсуарный зал. В дверях его чуть не сбили с ног двое дюжих парней, спешивших в туалет так, как рвутся в уединенный уголок люди с чудовищным расстройством желудка. Сексуальный маньяк Вантуз был взят оперативниками в кабинке мужского туалета, когда он переодевался в джинсовый костюм. Рыжий дамский парик был еще на голове. Вантуза так и вывели в нем из стеклянных самораздвижных дверей аэровокзала. Бывшего инженера-электронщика усадили меж дюжих парней на заднем сиденье милицейского «мерседеса». Младший сержант швырнул в багажник брезентовый мешок с уборщицкими принадлежностями и добычей Вантуза. Вслед за милицейской машиной с бетонного пандуса Шереметьева-2 съехала и санитарная «Волга» с несчастной пассажиркой рейса № 302 Венеция – Москва.

Глава вторая. Капитан Еремеев, следователь...

Из груды вещей, изъятых у Вантуза, следователь, капитан милиции Олег Орестович Еремеев, вытащил прежде всего орудие преступления: миниатюрный электрошоковый разрядник, сделанный в виде наручных часов. Проводок телесного цвета, раздвоенный на конце, как змеиный язык, уходил от браслета к ладони. Стоило только схватить жертву за руку, как мощный электроразряд, сорвавшись с клемм змеиного языка, валил человека с ног. Из шестнадцати жертв Вантуза две женщины-сердечницы не выдержали электрического удара и мгновенно скончались, что вовсе не спасло их от насилия. Маньяк надругался над трупами...

Еремеев выслеживал Вантуза два месяца. Тот охотился в основном в гостиничных туалетах, и вот теперь по его, следовательской, наводке был взят в международном аэропорту. Видно, туго стало со средствами – на валюту потянуло. Приятное с полезным совместить решил...

В заграничном паспорте Табуранской лежали пять столларовых банкнот. Неплохая прибавка к инженерскому жалованью... Еремеев перелистал паспорт, долго всматривался в фотокарточку – красивая деваха: волосы вразлет, смелый умный взгляд, тонкий породистый нос, полные – поцелуйные – губы. Возвращалась, судя по проспектам в сумочке и цветным фотографиям, с венецианского курорта Езоло. Понятно, каким путем она заработала эти баксы. Как день ясно... Ему, следователю экстра-класса, за такую сумму полгода пахать и пахать... А эти перелетные интердевочки за неделю и поболее настригают. Однако в следующую минуту Еремеев резко изменил мнение о своей подопечной. На глаза ему попался черный пластиковый фаллос с белым шнурком. Нечто подобное продается в «Лавке смешных ужасов» у Никитских ворот. Амулет путаны или что-то в этом роде... Повертев игрушку в пальцах, капитан обнаружил, что у амулета есть задняя крышечка – в торце, – и крышечка эта отвинчивается. А когда он ее отвинтил, то из полого фаллоса высыпалась на бланк допросного протокола горка желтоватого кристаллического вещества, похожего на неочищенный свекольный сахар. Он понюхал порошок и тут же отшатнулся – этот вкрадчивый лимонно-фиалковый запах могла источать только арча, супернаркотик, производимый в горах Пакистана и Афгана. Там же, в горах Бадахшана, Еремееву, тогда еще лейтенанту медицинской службы, врачу батальона спецназа, довелось испытать на себе действие арчи. После эйфорической ночи со всеми уладами мусульманского рая его потом три дня жестоко ломало. И если бы не коллега, капитан-хирург Игорь Залозных, он бы точно или застрелился, или нарочно бы вылез под пули душманов. Залозных отпаивал его зеленым чаем, колол алоэ, впрыскивал в вены глюкозу, а главное, ни на минуту не оставлял его одного, убрав из палатки ножи, бритвы, скальпели. Оба они знали, что арча обладала коварнейшим свойством – после нее человек впадал в депрессию со стойким желанием уйти из жизни. Именно после доброй дозы арчи застрелились трое из спецназа – крепкие парни, рискнувшие отведать новое зелье. Собственно говоря, требовалось доказать военному прокурору, что самоубийство произошло на наркотической почве. И Еремеев поставил на себе судебно-медицинский эксперимент, следуя давней традиции российских медиков испытывать на себе и новые болезни, и новые лекарства. Все трое суток «послекайфозного» периода Олег добросовестно сообщал коллеге о своих ощущениях и настроениях, а тот записывал в дневник наблюдений. С того давнего случая и началась для Еремеева карьера врача-нарколога, а позже – судебно-медицинского эксперта, ставшего волею судьбы столичным следователем районного масштаба.

Можно было не посылать желтоватые кристаллики на экспертизу. Еремеев и без нее мог сказать, ничуть не сомневаясь – арча. Он осторожно пересыпал кристаллики в фаллос-футляр и завинтил крышечку со шнурком. Все. В любом случае теперь это не его забота. Во-первых, все дела, связанные с наркотиками, передавались из милиции в иное ведомство – по-старому в

КГБ, по-новому в ФСК, Федеральную службу контрразведки. Во-вторых, с завтрашнего дня он уходил из «органов» на пенсию, хотя в свои сорок пять мог бы служить и служить. Однако... Сказано – сделано. Рапорту об увольнении дан ход. Приказ подписан. Сегодня вручат «ценный подарок» – скорее всего, электробритву, зачитают дежурный адрес и свободен как танк.

* * *

Он красиво уходит – черт побери! – закрыв под занавес это дельце с маньяком. Послезавтра вернется из отпуска Махалин и пусть раскручивает дальше. Бутылку «Амаретто» с него бы взять за хорошую подставку. Как в бильярде: шар замер в устье лузы, слегка подтолкнуть его – и все: и чахлый веночек милицейской славы – статья в многотиражке, благодарность в приказе, тощая премия – украсит лысину коллеги.

Еремеев еще раз перелистал паспорт Табуранской. Карина Казимировна. Полька? Двадцати двух лет от роду... В дочки годится. Ну и влипли же вы, гражданочка! Дважды влипли: и Вантузу в лапы угодила, и под колпак ФСК попала. Думал интердевочка, оказалась «проходчица», наркокурьер. За такие дела, если ранее не судима, лет семь как минимум намотает. А впрочем, сейчас не те времена... Такую красотку да не выкупить?

Он еще раз полюбовался лисьим раскосом ее глаз. Хороша Маша, да не наша... Еремеев вздохнул и набрал номер справочной института имени Склифосовского.

– Алло! К вам вчера поступила гражданка Табуранская Карина Казимировна. С электрошоковым поражением. Как она себя чувствует?

– Табуранская, Табуранская... Нормально себя чувствует. Сегодня ее и выписали.

– По какому адресу?

– А вы кем ей доводитеесь?

Еремеев представился.

– Записывайте: Большая Черкизовская, дом двадцать шесть, квартира...

– Телефон есть?

– Есть. Сто шестьдесят один, двадцать два...

– Записал. Спасибо!

Пробежал глазами адрес и телефон – надо же – почти соседка! Двадцатипятиэтажный небоскреб был самым приметным зданием на древнем черкизовском тракте. Еремеев жил в соседнем доме – пятиэтажной «хрущобе», и в его окнах серо-голубая свеча жилой башни маячила вполнеба.

Посмотрев на часы, он набрал свой домашний номер. Трубка сначала зарычала, потом разразилась басовитым лаем.

– Дельф, это я! Слышишь?! Я скоро приду. Зайду только за геркулесом и сварю тебе кашу. Тебе и себе. Опять желудок ноет. Язва разыгралась. Потерпи еще немного. Ну будь, мой мальчик, будь!

Дельф... По утрам к кровати подходил большой улыбчивый волк – полугодовалая кавказская овчарка палевого масти. Тяжелой величавой поступью пес приближался к подушке и накрывал щеку хозяина широким горячим языком. Лизнув раз-другой, усаживался рядом и влюбленно следил за каждым движением Еремеева. Дельф – единственное в мире живое существо, для которого жизнь Еремеева что-то значила. В прошлом году он похоронил отца и развелся со второй женой. И теперь пребывал на белом свете один как перст.

С тех пор как домой ему стали звонить с угрозами бывшие «клиенты», Еремеев приспособил к аппарату нехитрое устройство из двух блочков, приподнимавшее трубку при нажатии на педаль. Пес быстро выучился давить при звонке лапой на педаль и рычать в микрофон. На голос же хозяина отвечал усиленным встроенным динамиком скулежом. На все остальные «алло» – грозным лаем, так что знакомые поначалу недоумевали:

– Где это ты так гавкать классно выучился?

– Да это у меня автоответчик импортный, – усмехался Еремеев, – самый модный в Европе.

Зато хамские звонки пошли на убыль.

Гавкать не гавкать, а вот рычать по-овчарочьи Еремеев и в самом деле выучился. Когда строптивый «кавказец» выходил из повиновения, Еремеев тихо, но грозно рычал, как, по его мнению, должен был рычать вожак стаи. И, странное дело, пес, который в прыжке мог сбить атлета, а ударом лапы переломить волчий хребет, опускал широколобую башку и молча уступал.

Олег еще в школе мастерски подражал голосам птиц и животных, провоцируя кошек на ответное мяуканье, подзывая к себе кур-дурех или изумляя деревенских коров протяжным надрывным мычанием.

– Ну что, Питончик, все-таки решил уходить?!

Он вздрогнул. На край стола присела коллега – Татьяна Олейник. Крепко сбитая блондинка с голубыми ресницами и фиалковыми тенями на висках источала мятный запах «сти-морола» и французской «Последней ночи».

– Уже ушел, – покосился он на ее круглое колено, обтянутое черным ажуром. Еремеев впервые видел Татьяну – каратистку и мастера спорта по пулевой стрельбе – в юбке. Та уверяла всех, что родилась в джинсах.

«В розовых, наверное», – ехидничали у нее за спиной паспортистки, полагавшие, что у тридцатипятилетней девицы со столь ярко выраженными мужскими увлечениями, как борьба и стрельба, не все в порядке в сфере интимной жизни.

– Зря. Лично мне очень жаль, что тебя здесь не будет...

– Соскучишься, приходи в гости.

– У тебя собака злая.

– Зато я добрый.

– А мне опять «расчлененку» подкинули! – вздохнула она. – Сама нарвалась... Позавчера еду в трамвае на Семеновскую, вдруг слышу: «Гражданин, у вас из портфеля кровь капает». Представляешь? А он, шибздик такой, лет двадцати, спокойно так отвечает: «Это говядина с рынка сок пустила». Ну, я поближе... Кто и какого черта, думаю, мясо в портфелях носит? Ведь все бумаги испортит, да и портфель новый, неужели не жалко? Вышла я с ним на Семеновской, в метро сержанта подзываю – проверь вон того типа. Завели мы его в дежурку, открыли портфель, а там – голова женская. И с сережками в ушах. У меня аж волосы дыбом! Заперли его в «скворечник». Пока вызывали машину, пока приехала, наконец, он себе вены вскрыл и был таков...

– Что же вы его не обыскали?

– Обыскали, изъяли все, чем мог себе навредить. А у него одна сигарета за подкладкой завалялась...

– С фильтром, конечно?

– В том-то и беда, что с фильтром...

– Да-а, – сочувственно протянул Еремеев. Фильтр – это классический прохлоп. Недаром всех начинающих следователей строго-настрого предупреждают: не давайте подследственным сигареты с фильтром, отламывайте их, а потом уж угощайте, если надо для пользы дела. Никто не знает, где и когда родилось это дьявольское ухищрение: развернуть сигаретный фильтр в ленточку, отжечь край так, чтобы получилась остекленевшая кромка, а затем этой пилкой перекромсать себе вены.

– Личность установили?

– При нем не было ни одного документа. А допросить не успела.

– Сурово... У тебя и первая «расчлененка» не закрыта. С мужиком на овощной базе.

– Если б только «расчлененки»... А то ведь шесть ограблений на мне висит и два трупа на Потешной...

– Ну вот, а ты спрашиваешь, почему ухожу...

– А почему? Работой завалило?

– Да какая теперь работа... Мы уже давно не сыщики, а регистраторы преступлений. Как в статистической конторе. Подсчет ведем, отчетность подбиваем... Когда там работать...

– Это точно. – Татьяна вздохнула.

В дверь заглянул начальник отдела.

– Айда в зал!.. Шеф сейчас акафист кому-то будет читать.

В актовом зале отделения милиции «Преображенская застава» собрались все, кто в конце дня еще оставался на службе. Начальник – не по годам раздобревший милицейский полковник, – с напускной торжественностью завел привычную речь.

– Дорогие товарищи!.. Сегодня мы провожаем в новую – гражданскую – жизнь нашего боевого соратника, старшего следователя капитана милиции Еремеева Олега Орестовича.

Шеф открыл красную папку прощального адреса и, водрузив на маленький носик огромные очки, стал зачитывать текст, набранный в типографии осыпающейся золотянкой:

– Глубокоуважаемый Олег Орестович!

Вы пришли в органы внутренних дел, проделав большой жизненный путь...

«Угу, – молча согласился с ним Еремеев. – От сперматозоида до капитана». Он сосредоточенно снимал со свитера и брюк белесые шерстинки Дельфа и укладывал их в пепельницу на подоконнике. Глядя на него, можно было с равной определенностью сказать, что делает он это либо от величайшего смущения, либо от полного равнодушия к происходящему.

– Окончив Военно-медицинскую академию, – читал нараспев полковник, – вы были направлены в Республику Афганистан в состав ограниченного контингента...

«Ограниченного огнем “духов”», – комментировал про себя виновник торжества.

– ...Где выполняли свой интернациональный долг в качестве военного врача десантно-штурмового батальона...

Перед глазами вспыхнула и померкла чудовищная рана младшего сержанта Демченко – вырванный прыгающей миной низ живота... Демченко жил еще целые сутки. Зачем он проделал ему муки с помощью промедола и кордеамина?

– ...Затем вы начали свою деятельность в качестве судебно-медицинского эксперта... А после окончания Заочного юридического института пришли в органы внутренних дел следователем... На вашем счету сотни раскрытых дел... За многолетнюю и плодотворную... Объявить благодарность и наградить ценным подарком...

Тут начальник отделения сделал выразительную паузу и обвел глазами внимающий зал...

Еремеев искал и находил шерстинки в самых невероятных местах своего костюма. Казалось, он всецело ушел в это занятие. Таня Олейник сидела рядом и скатывала снятую шерсть в мелкие катышки, а потом отщелкивала их под батарею водяного отопления.

– Олег Орестович, примите ценный подарок! Электробритва «Эра»! – ликующе возгласил полковник, явно копируя ведущего «Поля чудес».

Полупустой зал разразился жидкими аплодисментами. Еремеев встал и принял из рук начальника коробку с ценным подарком.

– Заодно и побреетесь сегодня, – назидательно заметил тот, не сгоняя с лица приторной улыбки.

Все поднялись, затолпились у выхода, хлопали Еремеева по плечу, пожимали руки.

– Только решил бороду отпустить, тут тебе и электробритву подарили!

– Ничего, ничего! – подбадривала его Татьяна. – Тут в «Очумелых ручках» показывали умельца: он из электробритвы стиральную мини-машину сконструировал – носки стирать. Пригодится в хозяйстве.

«Вообще-то она ничего, – покосился Еремеев на Татьяну. – Даже с юмором. В третий раз, что ли, рискнуть? Скучно...»

– Отвальную-то будешь играть?

– Буду.

– Давай помогу стол накрыть.

Он внимательно посмотрел ей в нафабранные глаза. Ничего глаза: светло-карие зрачки с темно-зеленым ободком. Носик тоже ничего, только высоко срезанный, немного смешной. Уголки губ недокрашивает, чтобы рот не казался таким широким. Широковат малость. Привыкнуть можно... Захватить бы ее завтра в Хотьково. Хоть кого – в Хоть-ково...

– Вернется Махалин, и сыграем отвальную. А пока, если не возражаешь, по бокальчику шампанского? Ценный подарок обмыть?

– Шампанское не пью. Дамский напиток. Расслабляет сильно.

– А я водку на дух не переношу. Вот и не спились мы с тобой, Татьяна, характерами.

Глава третья. Зачем одноногому велосипед?

Он вошел в церковь, перекрестился с порога на алтарь и сразу же прошел в правый неф к большому киоту с иконой Святителя Николая. Еремеев склонил голову перед ликом Чудотворца и, как всегда, поблагодарил его за чудесное свое спасение под Салангом, когда БТР, подброшенный итальянской миной, завис передними колесами над пропастью, покачиваясь, как чаши весов...

– Святой старче, ты так часто спасал мою жизнь, что я давно израсходовал свой запас счастливых случайностей. Не смею тебя больше просить ни о чем. Тем паче о такой ерунде, с которой приходится начинать жизнь заново...

Право, бессовестно было беспокоить дух святого скоропомощника с просьбами о содействии в открытии мастерской по ремонту велосипедов в заштатном подмосковном городе Хотькове. Но именно с этого и хотел начать новую жизнь Еремеев. Прежнее, еще с мальчишеских времен, хобби – ремонтировать велосипеды, собирать из старых брошенных рам и колес новые машины, обещало стать второй профессией, точнее, третьей, если первой считать медицину. И куда более прибыльной, чем те, что перепробовал до сих пор Еремеев. Даже в весьма обеспеченные годы Олег отводил душу, после экспертных выездов на места убийств и исследования трупов, возней со старыми «старт-шоссе» или «туристами», а то и вовсе с допотопными «лендроверами», найденными в хотьковских сараях, на чердаках или на свалках. Отлаженные, смазанные, покрашенные свежей эмалью «велики» он дарил племянникам, друзьям, а один трофейный немецкий «адлер», восстановленный со знанием дела, у него купил немецкий турист за сто марок.

Светлое будущее рисовалось теперь Еремееву так: свою московскую однокомнатную квартиру он сдаст какому-нибудь иностранцу долларов за триста, а сам переедет в отцовский рубленый дом, где в большом сарае уже была устроена довольно сносная слесарная мастерская. На вырученную валюту получит лицензию, приобретет настольный токарный станочек (неосуществленная отцовская мечта) и сварочный аппарат и закупит все необходимые запчасти на велорынке в Сокольниках. Работать будет в паре с одноногим майором-афганцем, которого оперировал когда-то в Кандагаре и который, волею судеб, поселился в том же самом благословенном Хотькове на соседней улице. Тимофеев, так звали бывшего майора, был по военной профессии танкистом и понимал толк в «железках». Он же придумал велосипед собственной конструкции, который они собирались пустить на поток...

«Ты ли это, Еремеев? – спрашивал он теперь сам себя. – Или это не ты хотел стать командиром подводной лодки и ходить на ней подо льдами, как в фильме “Тайна двух океанов”, потрясшим мальчишеское воображение. Ради этого пошел в Нахимовское училище, а потом, начитавшись дневников Амосова, решил стать хирургом экстра-класса. А после Афгана тебя потянуло в розыскную работу, и ты видел себя грозой наркомафии. А еще ты хотел взобраться на пирамиду Хеопса, проплыть под мостом Вздохов в Венеции, увидеть вершины Тибета из окон далай-ламского дворца-Поталы... И вот теперь предел мечтаний – веломастерская в подмосковной глуши.

Ты ли это, Ерема?

Я.

Баста. Навоевался, настролялся, наездился, насмотрелся...»

* * *

Выйдя из церкви, Еремеев направился к магазину «Зенит», точнее, к велосипедному рынку-развалу, раскидывавшемуся всякий будний день против его витрин. Поглазев на рос-

сыпи велосипедных фар, звонков, цепей, кареток, звездочек и изрядно потолкавшись в толпе деловых мужиков, он купил заднее колесо к складному «Аисту» и пару новеньких педалей. Из последних финансовых возможностей наскреб и на кожаное седло, хоть и потертое, но весьма добротное.

Он был очень доволен своими покупками, так как теперь они могли с Тимофеевым закончить сборку второго велосипеда. Первый они продали местному нуворишу за триста долларов. Так что ТОО «Кандагар», которое они зарегистрировали с бывшим майором, имело теперь все виды на жизнь. Тем более что в перспективе маячил заказ от Союза ветеранов-афганцев и общества инвалидов на разработку гоночной велоколяски для безногих спортсменов по типу той, которую придумал для себя отставной танкист и на которой он лихо крутился, взбираясь даже на ступеньки хотьковской платформы.

Резкий клаксон заставил его обернуться. Из голубого «вольво» ему улыбалась знакомая физиономия – рыжий бобрик, золотые зубы, шрам на подбородке: Цикля!

– Садись, подвезу, гражданин начальник!

Цикля проходил лет пять назад подельником главаря шайки квартирных воров. Под видом циклевщиков они нанимались отделять полы и «отделяли» квартиру через месяц-другой после окончания работы. За время циклевки снимали слепки с замков... Цикля получил свой «пятак», но вернулся почему-то через полтора года «химии». И вот теперь, надо полагать, в недосиженные годы успел нахимичить на «вольво».

– Подвези, если резины не жалко.

– Резины не жалко. Бензин дорогой. Куда тебя, гражданин начальничек?

– В Богородское... – Еремеев назвал Татьянин адрес.

– Пора бы с двух колес на четыре становиться, – покосился Цикля на сверкающие спицы.

– Дорогой мой, – усмехнулся Еремеев, – человечество еще не изобрело ничего более толкового и полезного, чем велосипед.

– Ну-ну... Ну а как оно «ничего»?

– Вчера уволился. Сегодня свободен как танк.

– Может, к нам подашься, гражданин начальничек? У нас контора хорошая – банк охраняем. И зарплатой не обижают.

– Не пойду.

– Что так?

– Слава тебе, Господи, настрелялся досыта.

– Ну, вам из погреба виднее... Просю! Как заказывали – Игральная, десять! Если переживаете, звоните.

Цикля сунул роскошную – черное с золотом – визитную карточку: «Начальник службы безопасности коммерческого банка “Модус”». Еремеев только головой покрутил: пустили козла в огород...

Татьяны дома не оказалось. Гиеней не любит экспромтов. «Значит – судьба», – подумал Еремеев и отправился домой, дождавшись дребезжащего трамвая.

Глава четвертая. Снявши голову, по волосам не плачут

Он никогда бы не подумал, что роковые дни могут начинаться так тускло и буднично, без грозных предвестий и знамений.

Утром встал с привычным нытьем в желудке – язва. Сделал зарядку по упрощенной схеме, сварил овсянку себе и Дельфу – из одной кастрюли, выгулял пса, собрал в рюкзак вело-детали и двинулся в метро.

На Ярославском вокзале он втиснулся в последний вагон александровской электрички и простоял в тамбуре, прокуренном, как старая пепельница, почти до самого Хотьково. В эти первомайские дни стояла летняя сушь и лютый зной нещадно донимал пассажиров.

Выйдя из поезда, он с облегчением окунулся в прохладу весеннего елового леса и зашагал по прошитой тут и там узловатыми корнями тропе. Навстречу попался сосед, лесник-пенсионер, с позвякивающими в сумках пустыми бутылками – урожай после праздничных массовок на лоне природы. Огорошил с ходу:

– Олег Орестыч, тебе дом спалили! Ночью. Я пожарных вызывал. Приехали, да без воды. Пока в пруду набирали, пока чухались... Ну, кой-чего осталось. Банька осталась, сарай... Так что не обессудь, брат. Такие дела...

Еремеев не поверил ни единому слову, но сердце заныло.

Дом, переживший отца и деда, казался вековечным.

Он прибавил шаг и только теперь почувствовал запах гари, стоявший в лесу. Взбежал на пригорок и глянул в родную сторону. Там, где над зубчаткой еловых макушек всю жизнь вздымалась крутоскатная крыша высокого терема, ничего не было. В привычном месте знакомого с детства ландшафта зияла пустота безмятежного голубого неба.

Наконец он увидел все...

От двухэтажного дома с мансардой и террасой под башенкой остались лишь обугленные стены сруба. Сгорел весь верх, обе террасы – большая под башенкой и малая задняя. Вокруг остова сруба торчали черные мачты обгорелых елей. Весь участок был забросан изломанными, закопченными, истоптанными вещами, которые пожарные успели выбросить из пылающего дома и сами же нещадно затоптали. Мокрые перья из растерзанных подушек облепляли уцелевшие кусты жасмина и сирени, ствол бабушкиной любимицы-рябины и дуба, посаженного дедом в честь рождения сына-первенца.

Казалось, в дом попала бомба, разметавшая все, что в нем было. Еремеев много раз видел такие же жестоко разметанные человеческие гнездовья и в Кабуле, и в Герате, и в Кандагаре. Но то были чужие дома...

Сруб ставили летом семнадцатого года, когда дед в чине поручика пришел с фронта без кисти левой руки. Поднимали дом вместе с братьями на не бог весть какие мещанские капиталы. Ставили его не как дачу, а именно как дом для оседлой жизни большого семейства. Так и встал он на радонежской земле, отмоленной Сергием, этот рубленый особняк с тремя фронтонами на север, восток и запад – Троица! – с башней-террасой, верандой, глубоким подвалом, высоким чердаком и множеством всяких чуланов, кладовок, антресолей и даже потайной комнаткой, куда складывали при отъездах самые ценные вещи.

С некоторых пор Еремеев понял, что этот дом и есть его родовое гнездо. И чтобы ощутить это ныне вымершее чувство, ему понадобились три года морей, три года Афгана и полжизни беспрерывных служебных кочевий.

– Горело-то, горело-то как! – горестно восхищалась соседка-лесничиха. – Огненным столбом все стояло. Аж облака коптились... Под утро и занялось. Слышу сквозь сон, вроде как пальба какая. Тах! Тах! Тах!.. Ну, думаю, опять ивантеевские шалят, с нашими разборка. А то – шифер лопался, ну, прямо как из ружей палили...

Он брел по пепелищу, выискивая уцелевшие вещи.

Черный телевизор, в оплывах потекшей пластмассы, смотрел на него черным оком закопченного кинескопа. Это был взгляд сгоревшего Дома. Последние годы Еремеев почитал его за живое существо и даже беседовал с ним вслух под настроение, как разговаривал он и с Дельфом. «Можно жить без жены, – говаривал он друзьям, – но без собаки дом не полон».

Дом... Он, даже мертвый, ловил его взгляд то пустой глазницей выбитой рамы, то черным растресканным зеркалом, прикипевшим к простенку.

Подкова в синеватой окалине висела над провалом входа, не уберегла от беды.

Спекшееся нутро отцовского патефона, оплывшие, как на полотнах Дали, черные блины граммофонных пластинок. Все эти довоенные танго, фокстроты, чарльстоны сплывались в сплошной черный ком вечной немоты. Ржавая от огня рама сгоревшего велосипеда-долгожителя. С девятого класса и по сю пору гонял он на неизменном «Урале». Сгорели стойкие пластилиновые солдатики в коробке.

Сгорело бабушкино подвенечное платье.

Сгорела отцовская парадная фуражка, которую на похоронах прибывали к крышке гроба.

Сгорел старинный приемник деда – ламповый в тумбообразном деревянном корпусе: хрустнул под ногой динамик, прокричавший в сорок первом про войну.

Он подобрал из дымящихся еще угольев ослепший цейссовский бинокль – дедовский трофей с первой германской.

Долго смотрел на вскипевший термометр.

Лики икон преобразились в черные угольно-растресканные доски.

Сгорели мамины портреты, рисованные ее женихами и тайно хранимые за подложками рам прабабушкиных и прадедушкиных дагерротипов, которые тоже превратились в пепел.

Из-под груды недосгоревших книг он вытащил мокрую флотскую шинель с погонами лейтенантской младости, обгоревшими, словно в корабельном пожаре. Там, в отсеках подводной лодки, его хранили от огня бабушкины молитвы.

Огонь – одна из ипостасей смерти, смерти скорой и всепожирающей.

Сгорело все, сгорело прошлое, сгорела память предков, сгорели вещи, хранившие нежный запах детства и аромат юности, тепло бабушкиных рук и материнской груди...

Сгорели письма и дневники.

Сгорели мамины вышивки болгарским крестом и школьные портфели, курсантские конспекты и семейные фотоальбомы. Сгорела вся та рухлядь и весь тот хлам, который периодически вывозился из московских квартир – на дачу, и дорожке которого, когда он исчез, ничего не осталось...

Сквозь шок ужаса к сердцу прокрались первые змейки боли. Олег тихо застонал.

Кто-то обнял его за плечи... Тимофеев.

– Не надо ни к чему привыкать, старик. Даже к собственным ногам, – притопнул он протезом. – Россию потеряли, не то, что дом. Пошли ко мне... Замоем это дело.

Они медленно побрели в город, на Вокзальную, где жил бывший майор.

«Ну и что, – утешал себя Еремеев, – во все смутные времена гулял по Руси красный петух. И в семнадцатом усадьбы горели, и теперь полыхают... Прав майор, сначала Россию потеряли, а потом и дома».

– Ты хоть можешь предположить, кто поджег? – спросил Тимофеев.

– Кандидатов предостаточно. Толку мало.

– Ты же следователь. Сам себе помочь не можешь?

– Не могу.

– Почему?

– Потому что сапожник всегда без сапог. Я не помню, чтобы в моей практике рассматривалось хоть одно дело о поджоге.

– Поджогов, что ль, не было?

– Сколько угодно. Но когда горят частники, как я, государству это по фигу. У нас частная собственность с семнадцатого года не в чести.

– Опять ты свою белогвардейскую волынку завел, – проворчал Тимофеев. – И как тебя, такого антисоветчика, в Афган выпустили?

– Врачи шибко нужны были.

– Это точно, – вздохнул Тимофеев. – А дом мы тебе отстроим. Не грусти. Может, у меня останешься?

– Спасибо. Поеду домой.

Ночью накатила бессильная ярость. Мафия бессмертна. Мафия беспощадна. Мафия многоголова. Но, как и всякая гидра, она уязвима, если бороться с ней ее же подлым оружием...

Сейчас он держит руку на горле одной из ее голов. Какая разница, кто ответит ему за сожженный дом – ивантеевские ребята, которых он сажал пять лет назад за разбой, или та черкизовская проходчица. Всем им одно клеймо – мафия. Мафия взяла, мафия и вернет. Он отстроит дом... Они заплатят сполна.

Он знает, как взять с них «капусту». И он возьмет ее. План родился глухой ночью. И утро, которое всегда мудренее вечера, не смогло поколебать ночных доводов. Утро, извечной трезвости утро, вынесло свой вердикт: план реален. Надо действовать.

Глава пятая. Должностное преступление, или Операция «мусор»

Утро этого решающего дня Еремеев начал с медитации. Он сел поверх одеяла по-татарски и, слегка раскачиваясь, устался на маячившую в окне серо-голубую башню черкизовской высоты.

«Я сделаю это. Сегодня я сделаю это, – повторял он про себя боевое заклятие. – Я должен это сделать. И сделаю это. Сделаю это, потому что мне очень нужны деньги. Мне нужно много денег, и сегодня я их добуду. Я добуду сегодня много денег. Я начну совершенно новую жизнь. У меня все получится. Я отниму эти деньги у мерзавцев. Они все мне должны. Я верну свои деньги. Я сделаю это. Сделаю!»

Потом отправился в ванную, и ледяной душ закрепил только что принятое решение.

На завтрак выпил чашечку жасминного чая – запах жасмина, как уверяют китайцы, стимулирует работу мозга куда лучше, чем кофе. Еремеев не раз убеждался в этом на собственном опыте. Сегодня, как никогда, нужна была быстрая и четкая реакция.

Выгуляв Дельфа, он направился к дому № 26. Несколько раз обошел его вокруг, изучая подходы к центральному подъезду. Затем поднялся на двадцатый этаж, постоял у двери, за которой жила Табуранская. Засек время и опрометью бросился на лестницу. Он несся вниз, перескакивая сразу через несколько ступенек, делая лихие виражи на лестничных площадках. Где-то между четвертым и третьим этажами от постоянных поворотов у него закружилась голова, но он все же сбегал вниз и посмотрел на часы: стремительный спуск с двадцатого этажа занял семь минут.

Только после всего этого он набрал из будки автомата ее номер.

– Карина Казимировна?

– Да.

– Как вы себя чувствуете?

– Нормально. А это кто?

– Я ваш следователь. Но не тот, который ведет дело о нападении на вас в Шереметьеве. Я следователь ФСК. На вас заведено уголовное дело по факту провоза наркотиков.

– Это полная чушь! Это...

– Не спешите... Все это вы успеете сказать мне в кабинете на допросе. Передо мной на столе лежит ордер на ваш арест. Но дело пока еще на той стадии, когда только от меня зависит, будет оно закрыто или нет. Вы меня понимаете?

– Да.

– Я предлагаю вам деловое соглашение: мне нужны деньги, «капуста» разумеется, «зеленые»... Вы платите, я закрываю дело.

На том конце провода полыхали мучительные сомнения. Даже мембрана стала потрескивать, должно быть, от бури биотоков, разыгравшихся в прелестной головке Табуранской.

– Предупреждаю, – облегчил муки сомнений Еремеев, – наш разговор не фиксируется на пленку. И если бы даже фиксировался, то по нынешним уголовно-процессуальным законам техническая запись его не может фигурировать в качестве обвинительного материала.

Доказательство вот оно, у меня в руках. Черная такая штучка со шнурком. Достаточно будет взять у вас мазок, чтобы идентифицировать микрофлору, оставленную на ее поверхности. Вы понимаете, о чем я говорю?

– Да. Сколько это будет стоить?

– Вот это деловой разговор. Тридцать тысяч.

– У меня нет такой суммы.

– Ваши друзья вам помогут. Ведь фирма не оставит в беде свою верную сотрудницу.

– А где гарантия с вашей стороны?

– Гарантия уже лежит в вашем почтовом ящике. Сходите, посмотрите. Я позвоню через четверть часа.

Он повесил трубку. Ну что же, разговор состоялся. Крючок заброшен. Охота началась. Пока все идет так, как было продумано и придумано. Он выкурил сигарету, хотя уже лет пять как бросил курить, и сменил другой телефон-автомат.

Он посмотрел на часы. Вот сейчас она открывает почтовый ящик, достает паспорт, листает, поднимается на двадцатый этаж... Пора звонить. Она взяла трубку, и голос был чуть запыхавшимся. Должно быть, бежала от лифта. Только вошла.

– Вы достали гарантию?

– Да, спасибо.

– Вот так же вы получите и все остальное. Вам понятно?

– Да. – Она взяла себя в руки, и голос снова стал бесстрастным и жестким. – Я согласна.

Где и когда передать вам деньги?

– Чем быстрее, тем лучше. «Метлу» знаешь? – перешел он на ты.

– «Метелицу»? На Новом Арбате?

– Да. Завтра в полдень.

– Как я тебя узнаю?

– Об этом я скажу тебе завтра утром. За час до встречи.

– Договорились.

– Жди звонка.

Именно так он и хотел закончить разговор. Теперь надо было действовать. Сначала он сходил в хозтовары и купил почтовый ящик, потом наклеил на него этикетку «Для заявок в ЖЭК» и повесил его в подъезде Табуранской. В ящик предварительно положил сверточек с главной уликой – черным футлярчиком. Арчу вытряхнул в унитаз и вместо нее насыпал слегка подожженный до арчовой желтизны сахарный песок. Ключик от ящика спрятал в бумажник.

Угрызения совести насчет противозаконности своих действий глушились тремя аргументами: «Мафия сожгла, мафия и построит». «У мафии денег много». «ФСК против мафии – “тюлькин флот” против акул. Ловят мелюзгу, а крупных хищников не трогают, или боятся, или не хотят, или не умеют».

Утром браться не стал, чтобы не «сбрызнуть счастье».

Проверил пистолет, личный «вальтер», который отец привез с войны домой и который тщательно прятал от сына. Открылся за неделю до смерти. «Бери. Твой будет. Нам с тобой без оружия никак нельзя».

После легкого завтрака – чашечки кофе и бутерброда с сыром – обошел вокруг весь дом № 26, подобно полководцу, осматривающему будущее поле битвы. Особое внимание проявил к бункерной мусоропровода, заглянув в глухую грязную комнатку в цокольном этаже, заставленную почти сплошь железными контейнерами. Дверь ее не запиралась, и это его очень устроило. Из бункерной он направился в пультовую лифтера-диспетчера. Показав дежурной еще не сданное удостоверение, он попросил ее отключить все лифты в доме № 26, с одиннадцати утра на полчаса. На недоуменный взгляд крашеной лимитчицы коротко бросил:

– Операцию проводим. Так надо.

– Понятно! – поспешила и даже радостно согласилась дежурная. – Всех бы их к ногтю. Развелось на нашу голову. Вы не сумлевайтесь. Отключу как надо. Хоть на полчаса, хоть на час, хоть на сутки. Лишь бы всех их... Ух! У меня сеструху обокрали.

Еремеев взглянул на часы. Без четверти одиннадцать. Ну что ж, ее мальчики уже наверняка в «Метле» позиции заняли. Ждите, ждите. Здесь при ней один-двое советчиков-распорядителей, помчатся вместе с ней на Арбат.

Сердце бешено колотилось, когда он вошел в подъезд ее дома. В холле, где висели три телефона-автомата, никого не было. Он набрал ее номер и оглянулся. Никого.

– Я слушаю!

– Карина, это я. Деньги приготовила?

– Да.

– Они с тобой?

– Конечно.

– Теперь слушай внимательно. Оттого, как ты выполнишь мои указания, зависят твоя свобода, безопасность и вообще вся твоя жизнь. Ты поняла?

– Разумеется.

– У тебя есть под рукой трехлитровая банка?

– Сейчас посмотрю... Есть! – удивленно откликнулась Карина.

– Теперь заверни деньги в полиэтиленовый пакет и засунь в банку. Быстро!

Наверное, это было непросто – впахнуть в неширокое горло триста купюр. Но она впахнула.

– Дальше что?

– Уложи банку в пластиковый пакет.

– Уложила.

– Какого цвета?

– Зеленого. Фирма «Аквариус».

– Ты одета?

– Да.

– Сколько времени понадобится тебе, чтобы выйти на лестничную площадку?

– Ну... Две минуты.

– Даю тебе три. Подойди к мусоропроводу и брось пакет туда. Если просрочишь – жди повестку в ФСК. Все! Время пошло.

Он повесил трубку и метнулся вон из подъезда. Стометровку до бункерной он преодолел меньше чем за минуту. Из нижнего обреза трубы мусоропровода шмякнулась в подставленный контейнер бутылка из-под шампанского, прошелестела гроздь банановой кожуры вместе с пластиковым стаканчиком из-под йогурта. Зеленого пакета не было. Он заглянул в контейнер. Это был роскошный натюрморт из смятых пестрых коробок, цветастых облаток, упаковочной фольги. Неужели не сбросит? Оставалась минута до условленного срока. Еремеев обвел взглядом бункерную. Никогда бы не подумал, что в таких стенах будет решаться его жизнь...

В трубе зазвенело бьющееся стекло, и в контейнер упал сверток. Пакет! Зеленый!

Он вытряхнул осколки банки и вытащил из пластикового пакета тугой сверток зеленых купюр. В карман не засунешь. Куда? Пустячок, который он не предусмотрел, мог сорвать сейчас всю операцию. Попробуй выйди им навстречу с такой пачкой.

Джинсы – самая неудобная в мире одежда. В карманы джинсовых брюк запихнешь разве что носовой платок...

Он сунул доллары в пустую коробку из-под «Педигрипала» и бросил ее под угловой контейнер. Выскочил из бункерной. Вошел в подъезд и стал подниматься по лестнице. Они уже катились ему навстречу – два взмокших амбала, ухватываясь на поворотах за перила. Еремеев вжался спиной в стену, и они пронеслись мимо него, как два запаленных волкодава. Он успел запомнить лицо переднего: ослабленные золотые зубы под навесом черных усов.

«Давайте, ребята, давайте, носы только не расшибите, бультерьеры хреновы...»

Он поднялся на третий этаж, открыл неопломбированный пожарный шкаф и сунул ключи от почтового ящика в зев крана-гидранта. Спустился вниз вместе с компанией возмущенных жильцов: «Опять лифты встали! И жаловаться некуда и некому...» Бультерьеры рис-

кали вокруг дома. Потом побежали зачем-то к троллейбусной остановке. Он вошел в бункерную и нащупал под контейнером пакет из-под собачьего корма. Доллары лежали на месте.

Еще раз отыскав взглядом фигурки неудачливых охотников, он ринулся в противоположную сторону – в лабиринт складских заборов и подъездных железнодорожных путей. В пустом товарном вагоне пересчитал пачку. Слава богу, не «кукла». Почти новые «франклины» девяностого года.

Он вышел к бывшему Дворцу водного спорта, а теперь дельфинарию и позвонил из фойе.

– Карина? Я все получил. Спасибо. Спустись на третий этаж, там в пожарном шкафу ключ от почтового ящика. Прямо в кране, завернут в конфетный фантик. Ключиком откроешь в подъезде почтовый ящик для заявок. Там найдешь то, что обещал. И... завязывай с этим делом!

Она молча швырнула трубку.

Глава шестая. Паук-птицеед

«Разожми зубы, гад! Дыши ровнее, ритмичнее... Ты же сейчас инфаркт схватишь! – командовал сам себе Еремеев, прислушиваясь к рывкам ноющего сердца. – Расслабься! Согрей лицо ладонями... Так. Чего расписывался? Все как надо. Все прекрасно. Просто замечательно! Вон на подоконнике пачка “капусты” – тридцать тысяч долларов – пропуск в новую жизнь. Жизнь без нервоотрепки, без будильников и начальства, без просьб отстегнуть до зарплате десять “штучек”. Живи не хочешь. Плыви, лети, кати на все четыре стороны. Свобода, бля, свобода, бля, свобода... Так, теперь, кажется, поется?»

Свобода... А ведь в самом деле – свободен».

Расслаблены мышцы лица и тела. Сердце бьется ровно, ритмично, замедленно...

«Перенервничал, конечно, с этой чертовой “зеленью”. Нервы ни к черту...

Главное, определить причину стресса – и тогда отпустит... Вот уже отпускает...

Мое сердце бьется спокойно и ровно...

Операцию провел на пять баллов. Все было продумано и проведено четко. Объявляю вам благодарность, капитан Еремеев. Вот только девчонку жалко. Уберут. Засветилась. Тридцать тысяч не пожалели, но ее спасли... Уберут – факт. Красивая. Жалко. Наверное, и сама не знала, что так быстро все для нее кончится. Сама виновата. Деньги больше жизни любила. Глупая. Двадцать лет. Девчонка еще. Уберут. И очень скоро. Может быть, даже этой ночью».

Еремеев встал и прошел на кухню за валокордином, хранившемся в холодильнике. Сердце не на шутку расходилось.

Дурак. Спать ложиться надо вовремя. Курить бросить. Нормально жить и питаться.

Губы слегка обожгло пряной хвоей... Присел на подоконник. Окно на двадцатом этаже не горело. Может, уже прикончили?

Рука потянулась к телефону.

«Не делай глупости!..

Только проверю – жива или нет?

Наверняка жива. А свет не горит, потому что уже второй час.

Но по “ящику” сейчас забойный фильм. Вон у соседей окна болотными огоньками синеют. Пол-Москвы смотрит.

А она спит.

С кем?

С тем, кто ее прикончит.

Жалко девку.

Хороша Маша...

С моей подачи прикончат...

А она своим зельем скольких изувечила, в могилу свела?

Не ведала, что творит.

Незнание закона не освобождает от ответственности. Да и знала же, что не сахарную пудру перевозит. Все! Конец дискуссии. Спать!»

Но палец сам набрал цифры запомнившегося номера. Номера машин и телефонов Еремеев научился заучивать еще на флоте – по особой мнемосхеме. Намертво.

В трубке пипикнуло, затем завывли длинные гудки.

«Ну конечно же телефон с определителем.

Говорить не буду. Только послушаю – жива или нет».

– Алло! – откликнулся недовольно сонный женский голос.

«Она?»

– Прощу прощения за поздний звонок. Но это я...

– Мы, кажется, рассчитались?

– Да, все точно. Спасибо!

– Так в чем дело?

– В вас... – и тут же перешел на ты. – Тебе твои шефы не простят засветки. Ты это понимаешь?

Трубка промолчала и резко выпалила:

– А тебе какое дело?

– Молодая. Красивая. Жалко.

– Жалко у пчелки. Шел бы ты, заботливый!..

– Я-то уйду. Но ты крепко подумай. И еще одно. Не напрягай зря своих ребят. Они и так устали.

– Это насчет чего?

– Насчет телефонного номера, который сейчас на твоем табло светится. Звоню от случайных людей. Через четверть часа меня здесь не будет. Спокойной ночи, малышка!

Она швырнула трубку. Он – тоже.

Дурак! Узнать по телефонному номеру адрес дело пятнадцати минут. Тридцать минут на дорогу. Через сорок-полста минут могут заявиться... Питон чувствительный! Мягкое у тебя сердце, Еремеев, как валенок. Он натянул джинсы, свитер, достал из-под подушки пистолет и сунул в карман кожаной куртки.

«Ваше решение?!»

Он глянул на часы: светящиеся стрелки сжимали цифру «два». В роковые минуты внутренний голос переходил на язык приказа. Срабатывала генетика четырех офицерских поколений.

«Докладываю решение: ставлю “маячок” и покидаю квартиру с “тревожным” чемоданчиком. Веду из укрытия наружное наблюдение за подъезжающими к подъезду машинами. С началом движения электричек убываю в Хотьково и живу у Тимофеева до принятия дальнейших решений...»

«Тревожный» чемоданчик, с которым он несся когда-то по боевой тревоге из дома на подводную лодку (смена белья, бритвенный прибор, флакон одеколona, карманная фляжечка с коньяком и карманного же формата томик Гумилева) хранил ныне совсем другие вещи: свежую тельняшку, кортик, «звезду шерифа» за автономку (вырезал аппендикс у боцмана под водой в Средиземном море) и «звездочку» за Афган (за десять рейдов в горы со спецназом), пару потрепанных полевых погон, с которыми вернулся из Кандагара, резной кедровый складенец Соловецкого монастыря (бабушкин подарок), семейный фотоальбомчик, две запасные обоймы к пистолету, диплом, орденские книжки.

Осмотрев комнату, он снял со стены старинный сифонный барометр, память об отце, и, упаковав его в рекламную газету «Экстра М», забивавшую каждое утро почтовый ящик наглухо, уложил реликвию поверх всех вещей. Все? Ах да – пакет с долларами на подоконнике... Он засунул «зелень» между карманной «шильницей» со спиртом и плиткой «аварийного» шоколада. Теперь все. Увесистый, однако, чемодан.

Телефонный звонок взрезал полуночную тишину. Снял трубку:

– Кто там?

– Это я, – раздался ее голос.

– Номер проверяешь? Определитель не врет. Только ты меня с порога вернула. Больше тебе эти цифры не понадобятся.

– Да не нужен мне твой телефон! Я просто хочу сказать, что ты передергиваешь. Нечестно играешь...

– То есть?

– Ты же ведь сахар подсыпал вместо порошка!

– А насчет порошка у нас договора не было. Улику – самую главную – я тебе вернул. А вот насчет порошка – извини. Я эту гадость в унитаз высыпал. Зачем людей травить?

– Мент и есть мент! Мусор и му...

– Стерва! – бросил он в пипикающую трубку.

«Нашел кого жалеть... Конечно же проверяла номер. Сейчас докладывает боссам».

Он набрал ее номер. Занято. «ЧИД. Что и требовалось доказать. Ну, ничего, у нас еще есть в запасе минимум полчаса». Он оглядел комнату с тем чувством, с каким люди навсегда покидают свои стены. Жить ему здесь уже не дадут. Книги жалко. Хорошие книги подобрались. «Может, успею собрать? В коробку и к соседям? Потом передадут. Поздно, спят».

Звонок. В трубке молчание. Кто-то слушает и молчит. Проверяют? Еще раз? Зачем?

Наконец на том конце провода решились.

– Ал-ло... Это снова я.

По первым же звукам ее поплывшего голоса он понял, что она выпила.

– Ты что, поддала, что ли?

– Пахнет из трубки?

– Водярой так и несет.

– Я водку не пью. «Наполеончика» хлебнула.

– С какой это радости?

– Напугал и еще спрашивает...

«Тянет время. Держит на проводе, чтобы бультерьеры успели... Давай-давай... Все равно не успеют...»

– Напугал, говорю, и еще спрашивает!

– Пугать тебя твои же мальчики станут. Вот они напугают. Будь спок. А я – предупредил.

– Ну и что мне теперь делать?

Ему показалось, что она всхлипнула. Во всяком случае, растерянность она симитировала мастерски.

– Ты напрасно дурачишься! – рассердился он. – Я-то лучше тебя знаю, на что твои боссы способны. Ты с ними от силы год-два общаешься, а у меня от них десятый год глаза на лоб лезут...

– Я не дурачусь! Я серьезно спрашиваю...

– Это были твои деньги? В пакете?

– Да.

– Что же они тебе не помогли?

– Они сказали, что через четверть часа все деньги ко мне вернутся... Но ты их здорово обставил.

– И что же, плакали теперь денежки?

– Нет, мне сказали, что все возместят.

– И ты поверила? И ты веришь?

– Пока еще да.

– Ты думаешь, что, находясь под колпаком, ты все еще стоишь для них тридцать тысяч баксов?

– Меня он ценит дороже.

– Кто это «он»?

– Не твое дело.

– Извини. Спросил не подумав. Последний вопрос: ты ему уже сообщила телефон, откуда я звоню?

– Да.

– Странно... Тогда зачем ты мне в этом призналась?

– Сама не знаю.

- А разговор этот тянешь, чтобы он успел?
- Н-нет... Он сказал, что разберется с тобой завтра. У тебя есть еще время...
- Раз ты так говоришь, значит, его уже нет.
- Но я же все время говорила тебе правду.
- Вероятно. Но это не может продолжаться без конца...

Она не ответила. В трубке отчетливо послышалось звяканье стекла и бульканье жидкости.

- Ты пьешь?
- Да. Мне страшно. Ты так и не сказал мне, что делать.
- Все равно ты этого не сделаешь. Здесь нужна отчаянная решимость... Неженская решительность.

– Ты думаешь, у меня ее нет?

– Когда на человека несется машина, он резко отскакивает. А ты еще не видишь эту машину. Ты не успеешь...

– На тебя, между прочим, тоже несется... Грузовичок.

– Возможно, что и я не успею... Мы оба не успеем...

– Слушай, а приезжай ко мне! У меня есть что выпить. Ты же знаешь мой адрес.

– Знаю, но не приеду.

– Боишься, подставлю? Боишься... Но все равно ты мне нравишься. Голос нравится. И вообще – ты парень с головой. Они таких ценят.

– Вербуешь?

– Нет. Прощаюсь. Ведь сейчас ты положишь трубку.

– Да. Но послушай меня внимательно. Сию минуту ты соберешь небольшой чемоданчик, который сможешь унести, уложишь туда все самое ценное и душевно дорогое. Выйдешь из дома и уедешь туда, где никто из твоих боссов не додумается тебя искать. Смени фамилию, выйди замуж. Хотя бы фиктивно. Исчезни из Москвы на год, два, три. Забудь про Москву. Начни жить заново. Как будто тебя уже убили, а потом вернули жизнь. И ты – другая. И все вокруг другое. Не трясись над тряпками и квартирой. Будешь жить!

– Хм... Ты все это уже сделал?

– Что все?

– Ну, собрал чемоданчик с душевно дорогим, фиктивно женился...

– Зря зубоскалишь. Ты еще можешь спастись.

– Не хочу. Жить не хочу.

– Нюхнула порошку?

– Нет. Просто надоело все. Пусть будет, как будет. Уберут, так уберут. Мне хлопот меньше.

– Ну, тогда прощай! Мне с тобой не по пути. У меня еще кое-какие дела в этом мире остались.

– Подожди. Не вешай трубку!

– В чем дело?

– Все равно меня первой уберут. Страшно не умирать. Страшно ждать... Вот трубка с твоим голосом лежит на моей подушке. И как будто кто-то рядом. Не вешай... Положи свою трубку на свою подушку. И можешь молчать. Можешь уходить. А я буду думать, что ты все слышишь. И услышишь, как за мной придут, как меня... Пусть. Но только положи трубку на подушку!

– Хорошо. Положил. Спокойной ночи!

– Спокойной ночи... Милый.

Он и в самом деле положил трубку на подушку. Посмотрел на часы. Запас безопасного времени истек. Пора уходить. Хватит миндальничать. Это плохо кончится. Она конечно же

держит его на привязи, на телефонном шнуре. Дешевая игра. Стыдно. Талант. Ей бы в театр на Таганке.

– Аллю! Ты меня еще не бросил?

– Нет.

– А как тебя зовут?

– Питон.

– Странное имя. Петя, что ли?

– Ну, считай, что Петя.

– Петя-Петушок... Ну все, больше не буду тебя отвлекать. Спи. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи.

Он снова положил трубку рядом с ухом. Странное дело, ее голос вязал его по рукам и ногам. Давно надо было бежать отсюда, но не было сил шевельнуться. «Как последняя балда лежишь, Еремеев. Придут и пришьют прямо в постели. Тепленького возьмут. Вставай! А вот все равно лежу. Неврастения, Еремеев. Нельзя было с больными нервами в такую игру ввязываться. Бери “капусту” и уходи. В первом раунде ты победил. А второго не будет. Не должно быть. А Наполеон, кажется, так говорил: главное – ввязаться в драку, а там разберемся... Они разберутся. Хватит философствовать! Встаю... Ну? Ни фиги... А может, это гипноз? Ясное дело – гипноз... Они же, сволочи, все себе на вооружение берут. Все, что создано умом во вред и даже во благо человеку. Абсолютно все. И яд, и лекарство. Старик Парацельс и представить себе не мог – наступят времена, когда сотрется грань между ядом и противоядием, злом и добром... И все-таки надо вставать. Я же ясно мыслю, четко все понимаю. Надо уходить, пока не пришли ее бультерьеры. Все. Сейчас для начала сяду. Садись! Нет такой команды... Это только собакам – “сидеть”! – кричат. Я не собака. А где Дельф? Вон он, лобастенький, в дверях лежит. Неужто вдвоем не отобьемся?

Капитан Еремеев, подъем!

Ага, встал-таки! Значит, не гипноз. А может, и гипноз, да только есть еще силушка душевная... И все же кое-какие меры безопасности не помешают».

Он достал из ящика стола афганской сувенир – «листик». Пластиковая противопехотная мина умещалась на ладони. Сбоку было выштамповано крылышко, чтобы сброшенные с вертолета «листики» разлетались, крутятся, как кленовые семена-носики. Эта мина была, пожалуй, самым гуманным оружием в Афгане. Она не убивала, а только калечила, выводила бойца из строя. Сорок граммов жидкого ВВ при неосторожном нажатии на пластиковую оболочку дробили стопу или вылущивали руку по локоть.

Он отнес «листик» в прихожую и положил под дверной коврик. Войдут, наступят – взрыв! – замешательство. Он откроет стрельбу первым, прямо в нерассеявшуюся пыль. Потом спустит Дельфа в погоню за убегающими.

Таков был план обороны. Шанс отбиться, конечно, есть, если те не сработают тоньше, быстрее, раньше. Впрочем, какой им резон убирать столь спешно следователя ФСК, который и без того купился за тридцать тысяч зеленых? Взять его под контроль, использовать дальше – вот это им в толк. Сегодня не придут. Будут выходить на контакт... А вот ее уберут. Она им больше не нужна. Она им теперь опасна. Он ее крепко подставил.

Дура-девка...

– Эй, – позвал он ее в трубку. – Ты еще не спишь?

В ответ едва уловил ее тихое мерное дыхание. Спит. А может, все обойдется? Ночью всегда такое напридумается, что утром только диву даешься... Но пистолет с предохранителя лучше снять...

Уже светает. Через два часа откроется метро и пойдут электрички. Значит, через сто минут можно будет выходить. Значит, еще целых сто минут можно подремать, слегка рассла-

бившись. Вон и сердце ныть перестало. Оно уже без стрессов жить не может. Как глубоководная рыбина без давления – вытяни на поверхность – разорвется изнутри...

Разожми зубы, гад! Ты же знаешь, чем это кончится. Немедленно расслабься. Вот так. Все путем. Все отлично, Григорий, нормально, Константин... Вон сколько «капусты». На все хватит – и дом восстановить, и мастерскую поднять, и в Грецию съездить, если захочется... А хочется! Хорошо в Греции, если фильму «Греческая смоковница» верить. Красивый фильм. Душу греет. Море теплое, прозрачное, нежно-голубое. Яхточка, парус и загорелая смелая озорная девушка радостно спихивает тебя в ласковую воду, в которой так приятно обниматься... Неужели такое только в кино бывает?

Два любимых фильма у Еремеева: «Греческая смоковница» да «Белое солнце пустыни». Красноармейца Сухова да на эту бы яхту. То-то бы прибалдел парень... Стоп! Не спать... Отдыхать как в карауле, расстегнув верхнюю пуговицу ворота, согласно Уставу гарнизонной, караульной и внутренней службы. Вытянись, расслабься... Отдохнуть надо. Полная релаксация всех мышц. Силы еще сегодня пригодятся, да и свежая голова тоже.

Нечеловеческий истошный вопль взорвал телефонную мембрану.

– Карина, что случилось?! Алло! Что там, Карина! Карина...

Он напрасно тряс трубку и кричал в микрофон. Трубка молчала. Она походила на маленькую черную мумию, скорчившуюся от ужаса. Еремеев выхватил из-под подушки пистолет, сунул в карман, метнулся к двери и только чудом не наступил на заминированный коврик. Чертыхнулся, вытащил из-под него «листик» и с миной в кулаке бросился из дому. Вперед!

– Зачем?

Надо.

«Дурак! Ничего уже не поправишь. Никого не спасешь. Только сам на пулю нарвешься. Не глупи, Еремеев, это не профессионально. Вообще все, что ты сегодня натворил, это вопиющее разгильдяйство. Рассиропился как последний додик... И все-таки ты к ней бежишь. Питон! На рожон лезешь. Пожалеешь, ой, пожалеешь...»

У подъезда – белый «мерседес». Так... Один мордovorот за рулем, другой – на заднем сиденье. Оба курят. Кого-то ждут. Не по ее ли это душу?

– «Сбавь шаг! Медленнее. Еще. Вот так, достаточно. Запоздалый гуляка спешит к жене... Ага, с миной в кулаке. Спрячь в карман! Только не надо на них так пялиться. Тот, что за рулем, явно из ее бультерьеров. Это же он чуть не сшиб меня на лестнице.

Спокойнее, я им пока по фигу...»

Лифт томительно долго полз на двадцатый этаж. Что они с ней сделали? И сколько их там? Надо стрелять в дверной глазок на любой мужской голос. Чушь. Только при явной угрозе. А может, заблокировать дверь и вызвать ПМГ? Поздно. Палец уже нажал на голубую кнопку звонка. Кто-то зажег в прихожей свет. В дверном глазке загорелся желтый зрачок. Еремеев достал пистолет, сдвинул собачку предохранителя...

– Кто? – спросил из-за двери испуганный женский голос.

«Она? Похоже и очень...»

– Это я. Питон.

Он скорее почувствовал, чем смог заметить, как его внимательно рассмотрели сквозь стеклянный глазок. Щелкнул замок, стальная дверь, оклеенная черным пенопластом, приоткрылась.

«Слава богу, жива!»

Карина – как он и ожидал, в жизни она выглядела несколько старше, чем на фотографии, – испуганно, мрачно и удивленно уставилась на него.

– Это я – Питон, – повторил он. – Что случилось? Что за крик?

– Проходи, – бесстрастно бросила она и не очень твердо шагнула в сторону, придерживая на груди распах черного шелкового кимоно с вьетнамским ли, китайским ли драконом. Звериным чутьем он определил, что в квартире никого больше нет. Но, не вынимая руки из кармана и не снимая палец со спускового крючка, быстро заглянул в единственную комнату, прошел на кухню, осмотрел ванную, туалет и снова вернулся в комнату, срединную часть которой занимала двуспальная деревянная кровать под овальным, вделанным в спинку зеркалом. Стена против окна была зазеркалена от пола до потолка, расширяя невеликое жизненное пространство вдвое и умножая вдвое же все вещи – японский велотренажер с мини-компьютером, туалетный столик, широкоэкранный телевизор с видеоплеером... Дверь на лоджию была распахнута, и он немедленно двинулся туда, перешагнув опрокинутое плетеное кресло. Вид с двадцатого этажа на ночную майскую Москву захватывал дух. Но Еремеев сразу же глянул вниз – белый «мерс» все еще стоял у подъезда, с такой высоты он смотрелся не больше спичечного коробка.

– Вот это не мое, – произнесла за спиной Карина, и он оглянулся.

– Что не твое?

– Вот это. – Она показала на маленький титановый карабинчик, защелкнутый за стальной прут балконного ограждения, миллиметровой толщины леска убегала от карабинчика через перила вниз, надо было полагать, до самой земли...

– По нему он спустился, как паук по паутине...

– Кто?

Она поправила спутанные волосы. Тушь под левым глазом слегка поплыла, но это придавало ей лишь некоторый домашний шарм.

– Если я скажу кто, ты решишь, что у меня глюки...

Она вошла в комнату, подняла с пола бутылку белого вермута, стоявшую у изголовья кровати.

– Вот видишь! Она почти целая. Я отпила не больше фужера. От этого не могут быть глюки.

– Не могут, – согласился он и присел на край кровати. «Ничего себе станок», – невольно оценил Еремеев шедевр мебельного искусства, претендовавший на главную роль в обстановке квартиры. Письменного стола здесь не было, да и не могло быть, его заменял журнальный столик с телевизором и видаком.

– Может, выпьешь? – спросила хозяйка, наполняя свой недопитый фужер. Ее нечаянно или намеренно выскользнувшее из-под полы кимоно белое, великолепной лепки колено бросалось Еремееву в глаза, белизна женского тела слепила, словно следовательская лампа на допросе.

– Нет. На работе не пью.

– А ты на работе? – в ее голосе он уловил легкую насмешку.

– Как видишь.

– Тогда принеси из прихожей картонку. Не бойся – она пустая.

Еремеев принес коробку, которая вначале показалась ему упаковкой из-под дамских сапожек только намного шире; на прорезанной крышке пестрела картинка: паук-птицеед хватал своими хелицерами тропическую птичку. Этикетка сообщала, что игрушка сделана на Тайване. Из коробки вылетела бумажка. Карина подобрала ее с пола, прочитала и изменилась в лице.

– Это мой почерк, – прошептала она. – Но я этого не писала!

Еремеев пробежал две короткие строчки: «Мама, я тебя люблю. Очень устала. Прости, если можешь... Я не хочу жить».

– Это неправда! Я хочу жить! – закричала она, отшвыривая записку, словно отмахиваясь от невидимой угрозы. Еще секунда, – и она сорвалась бы в истерику, если бы Еремеев не выплеснул ей в лицо остатки вермута.

– Успокойся!

Она изумленно распахнула на него глазищи, слизывая остро-красным язычком горько-сладкие капли.

– Расскажи, что произошло. Ну? Все по порядку. Слушаю тебя!

Коварное кимоно обнажило почти все бедро, но она совсем не заметила этого, уставясь в распахнутую дверь прихожей.

– Принести воды?

– Нет.

– Положи трубку на место.

Телефонная трубка все еще лежала на подушке. Карина механически переложила ее на аппарат, и это простое действие окончательно вернуло ее в чувство.

– Он принес эту коробку вечером...

– Кто «он»?

– Неважно... Он принес и попросил оставить до утра. У его дочери день рождения, и он сказал, что хочет сделать ей сюрприз. В общем, чтобы она раньше времени не увидела игрушку, оставил ее у меня. В прихожей...

Она замолчала, свесив голову.

– Дальше.

– Он был какой-то не такой... Странный. Очень торопился. Сказал, что забежит утром... У меня весь день скребли на душе кошки. Как-то не по себе было. Потом ты позвонил и напугал еще больше. Потом мы с тобой говорили... Говорили, говорили... Я выпила таблетку супрастина и уснула. Вдруг проснулась, как будто кольнуло что и кольнуло – вот сюда.

Она показала на бедро и тут же прикрыла его полой кимоно. Глаза ее снова расширились от ожившего в памяти ужаса.

– Он сидел на одеяле. Он был живой и тяжелый... Я закричала и стряхнула его с одеяла. И он побежал.

– Кто – «он»?

– Паук! Паук-птицеед. Из коробки... Он был живой. Почти как живой. Он быстро-быстро выбежал на лоджию. Я видела, как он вскарабкался на спинку кресла. А потом такой легкий стрекот раздался, и он вжик – сиганул вниз. По той леске, которую ты видел.

– Это твоя леска?

– Нет. У меня ничего подобного не было. Он сам. Он знал, куда бежал... Это не глюки, ты не думай. У меня крыша в порядке. Но он сидел на одеяле. Я видела. У меня ночник горел. Он испугался. Когда я его стряхнула, он шмякнулся на пол. Он тяжелый был... Ты не веришь? Вот от него же и осталось. Вот, смотри.

Она подняла с пола прозрачный шприц-тюбик.

– Он ткнул им меня в бедро, но в кармане кимоно лежала заколка для волос. Она кожаная, я в Венеции купила. Вот она – видишь? Он ее не проколол.

Еремеев повертел в пальцах кусочек тисненой кожи, каким модницы перехватывают волосы в пучке. Он знал по Афгану, как подобные пустяки не раз спасали жизнь счастливицам. У него самого валялся в ящике стола портсигар с застрявшей пулей.

– Я же говорил тебе, они постараются тебя убить. Имитация суицида, чего проще...

– Чего-чего?

– Суицида. Ну, самоубийства на почве стресса, пережитого в Шереметьеве. Все очень логично: не смогла пережить позора, изнасилования...

– Да ничего же не было!

– А ты откуда знаешь?

– Мне врачи в Склифе сказали.

– А записка?

– Это не я писала. Почерк мой. Но я не писала.

Еремеев посмотрел записку на свет.

– Смоделировали на компьютере. Потом аккуратно обвели. Дешевая работа... Листок не из твоего блокнота?

– Кажется... Он попросил как-то, торопясь, листок бумаги. Записывал что-то на бегу...

Мой, точно. Это он подделал...

– Такой рослый с усами подковой вниз, как у Мулявина?

– Да. Ты его знаешь?

– Он внизу. Сидит в «мерсе» с напарником.

– «Мерс» белый?

– Белый.

– Тогда он... Он поднимется. У него ключи есть.

За зеркальной стеной глухо стукнул противовес лифта. Еремеев машинально посмотрел на часы: половина четвертого.

– Это он! – вскрикнула Карина, прислушиваясь к шуму поднимающейся кабины. Внутренние стены небоскреба были слишком тонкими для громких звуков. – Пожалуйста, запри дверь!

Она сама метнулась в прихожую, но Еремеев успел схватить ее за руку.

– Ложись! Немедленно падай на пол. Ты уже мертва. Понимаешь? У нас считанные секунды. Делай, как я говорю! Ну!

Карина покорно опустилась на палас, раскинула руки, при этом коварное кимоно приоткрылось в самых соблазнительных местах, так что Еремеев, сам того не желая, стянул одеяло и принабросил его на «умершую». Он опрокинул фужер в изголовье, швырнул на пол подушку и сбросил телефонную трубку. На глаза ему счастливо попался «кодак» – автомат, лежавший на журнальном столике, он схватил его и ринулся в прихожую – «носом к шторму», как говаривал командир подводной лодки, распахнул дверь и вышел в холл. Навстречу ему двигался усатый амбал, хозяин белого «мерса». Тот слегка оторопел при виде распахнутой двери и странного типа, выходящего из квартиры подруги. Не дав опомниться, Еремеев сунул ему под нос красную книжицу:

– Московский уголовный розыск. Прошу быть понятым и подписать протокол осмотра места происшествия.

– Чего случилось-то? – настороженно спросил верзила.

– Обычный суицид. Самоубийство на нервной почве, – как можно равнодушнее пояснил Еремеев. – Проходите. Мне еще второй понятой нужен.

И он уверенно нажал кнопку соседского звонка. Парень нехотя вошел в квартиру и замер в прихожей, опасливо разглядывая «труп» на полу. Вспышка еремеевского «кодака» заставила его вздрогнуть. Следователь несколько раз заснял место происшествия, причем в последний раз в кадр попал и ночной визитер, отраженный в зеркальной стене.

– Вы ее знакомый? – спросил Еремеев.

– В первый раз вижу. Я вообще-то не на этот этаж ехал. Мне выше.

На лице Карины не дрогнул ни один мускул. «Молодец, хорошо играет, – мысленно похвалил Еремеев. – Ей бы на Таганке...»

– Протокол подпишете?

– Нет. По судам потом затаскаете. Некогда мне. Вон соседи пусть пишут.

Из-за плеча парня выглядывала старушка в ночном халате, выбежавшая на звонок.

– Что случилось-то?! Ой, господи!.. Такая молодая. Сердце? Сейчас молодые мрут, как мухи. Все мрут – и старики, и молодежь. Ну и времечко окаянное!

Владелец «мерседеса» направился к лифту, а соседку Еремеев вежливо, но твердо выпроводил из квартиры и захлопнул дверь.

– Воскресай! – разрешил он Карине. Та медленно, точно и в самом деле отходила от смертного сна, поднялась, подошла к зеркалу.

– Боже, на кого я похожа?!

– У нас очень мало времени! Сейчас твой кавалер очухается, и придет сюда вместе с подельником. Собирайся!

– Куда?

– Куда угодно. Но сейчас нужно немедленно уйти отсюда. Слышишь?

– Да, – робко повиновалась она его жесткой напряженной воле.

– Возьми с собой документы, деньги, ценности. Кое-что из одежды. Но самый минимум.

Последнее распоряжение было явно неточным: то, что женщине покажется минимумом, мужчина унесет в двух чемоданах. Гардероб в прихожей по своим габаритам, как и по своей значимости в этой квартире, делил пальму первенства с широченной кроватью. Карина швыряла в объемистую адидасовскую сумку платье за платьем, батники, кофточки, юбки, туфли...

– Уймись! – остановил ее Еремеев. – Одевайся сама.

– Во что?

О, это был чисто женский вопрос, столь хорошо ему знакомый. Тут можно было безнадежно завязнуть во всяких «это мне не идет» и «это сейчас не носят». Голосом, не терпящим никаких возражений, Еремеев рубанул сплеча:

– Джинсы. Кроссовки. Свитер. Куртка. По-походному! Три минуты и никакого марафета!

Он еще раз глянул вниз с лоджии. Белый «мерс» все еще стоял у подъезда. Ждут «групповозку»? Или снова поднимутся оба? А зачем? Похоже, усатый поверил в удачный исход своей акции. А если не поверил? А если спросил себя или напарник спросил его – как так быстро оперативники успели узнать про самоубийство да еще прибыть на место, спустя каких-то полчаса? Да так, что их никто не заметил? Что, как придут разбираться?

– Быстрее, быстрее! – торопил он Карину.

Та все же успела приникнуть к зеркалу, стирая тушь под глазом. Последними в бездонную сумку полетели косметичка и кимоно. Еремеев успел добавить туда и фотоаппарат. Все!

Он сам застегнул молнию и забросил ляжку на плечо. Тяжелая, черт... Карина захлопнула дверь и заперла все три замка.

Они вошли в кабину лифта, исписанную фломастерами, как стены поверженного рейхстага. Еремеев нажал подплавленную сигаретой кнопку третьего этажа. Но между седьмым и шестым надавил красную клавишу «Стоп». Встали.

– Подождем пока не уедут. Нам деваться больше некуда. Выход из подъезда только один.

Карина присела на сумку, устало уронила голову на колени, обтянутые голубыми джинсами.

– А как ты узнаешь, уехали они или нет?

– Выждем время – выгляну... Уедут, куда они денутся... А если на твой этаж начнут подниматься – услышим. Вторая шахта рядышком.

– А если не они начнут подниматься?

– Кто еще в пять утра попрется на твою верхотуру?

– Мало ли... Кто-то ночным авиарейсом прилетел, из аэропорта приехал...

– Кто-то уже приехал. Из аэропорта... Будем ждать. У нас времени вагон и маленькая тележка.

– А если они догадаются, что мы тут сидим?

– Ну и зануда же ты!

- Я – Дева. А Девы они все продумывают до мелочей...
- А я – Стрелец. Стрельцы они очень нахальные, и у них всегда на удачу расчет...
- Сколько времени прошло? Я часы забыла...
- Десять минут.
- А как будто полчаса...
- Ждите. Ждите долго.
- Спать хочется...
- Ну и вздремни.
- Вздремнешь тут... Сами себя в клетку засадили.
- Из каждой клетки есть выход. Мой батя так говорил: если в конце тоннеля нет света, то ищи дверь в стене.
- Ну, вот и ищи.
- И найду. На спор найду. На что спорим?
- На «сникерс».
- Дешевишь...
- Поставила бы на баксы, да только ты у меня все отначил.
- Обидел девочку?
- Обидел.
- Не играй в азартные игры. Ты еще дешево отделалась.
- Да если б не ты, вообще ничего бы не было.
- И тебя бы уже не было. Полтора часа как не было бы...
- Ладно. Это я так... Ищи свою дверь.
- Нашу дверь... Ну, смотри – вот она. – Еремеев нажал на желтую клавишу с надписью «Вызов».
- Чо, застряли, што ль? – спросил голос диспетчерши из недокоруженного динамика.
- Марья Петровна? – спросил Еремеев наугад.
- Вера Кирилловна, – поправил голос позавчерашней лимитчицы.
- Кирилловна, это оперативник, который просил тогда лифты остановить. Помнишь?
- Помню, помню.
- Теперь еще одно боевое задание. Позвони дежурному в наше отделение милиции. Скажи ему, что Еремеев просил срочно подогнать к «свече» пээмгэ.
- Чего подогнать?
- По буквам – Покой. Мыслете. Глаголь.
- Какой покой?
- Еще раз по буквам: Павел. Марина. Григорий. Подвижная милицейская группа.
- Поняла. Сейчас позвоню.
- И скажи, что Еремеев просил проверить белый «мерс» у подъезда, а потом чтоб под-
нялись ко мне на шестой этаж.
- Поняла. Все сделаю.
- Еремеев отпустил клавишу и победно посмотрел на Карину.
- За тобой «сникерс».
- А может, ты больше любишь «марс» или «баунти»?
- Ну, конечно, «райское наслаждение».
- А когда твоя пээмге приедет?
- Если машина где-то поблизости, то минут через пять... Через пятнадцать – от силы.
- Господи, как спать-то хочется. На меня еще супрастин действует.
- Карина снова уткнулась головой в колени. Еремеев молча разглядывал ее из своего угла.
- «Девчонка совсем. А волосы красивые... Ей бы замуж да детей нащелкать. За большими день-

гами погналась. Кто не рискует, тот не пьет шампанского. Все мы любим шампанское. Любительница шампанского. Любительница абсента!..»

Глава седьмая. Кое-что из военно-полевой хирургии

Минут через десять в соседней лифтовой шахте загудела лебедка, и кабина остановилась на шестом этаже.

– Еремеев, – окликнули снизу, – ты здесь?

Он нажал кнопку и спустился на оставшиеся пол-этажа. На площадке его встретили сержант Макарычев и незнакомый молодой милиционер.

– Что стряслось? – спросил Макарычев, уставившись на Карину.

– «Мерс» проверили? – перебил вопрос вопросом Еремеев.

– Нет. Сразу же развернулся и уехал. Но номер засекли и дали оповещение на задержание.

– Жаль.

– Да мы тебя выручать спешили. А ты вон – жив-здоров...

«Да еще с кралей!» – продолжил про себя Еремеев то, что не досказал сержант.

– Ладно. Это все по делу Вантуза. Поехали в отделение.

Карина испуганно стрельнула в него глазами.

– Кофейку попьем, – успокоил он ее. – Супрастин разгоним.

Они не без труда втиснулись в желто-синий милицейский «жигуль» и покатали к Преображенскому рынку, обставленному башнями бывшего старообрядческого монастыря. Тридцатое отделение милиции размещалось в старинном, но пока что крепком корпусе, где когда-то жили келари. Еремеев взял у дежурного ключ от своего еще не сданного приемнику кабинета.

– Махалин вернулся?

– Вернулся, – подтвердил дежурный.

Он вытащил Каринину сумку на второй этаж, отпер дверь с табличкой «Следователь».

– Так ты не фискач? – разочарованно спросила Карина, оглядывая неприглядную обстановку его кабинета: конторский стол, ободранный диван, ундервуд на обшарпанном сейфе.

– С этим мы позже разберемся. Следи за чайником.

Еремеев воткнул шнур в розетку, пошарил по ящикам стола и вытащил вскрытую пачку печенья, затем забрал с подоконника две плохо отмытые фаянсовые чашки и понес их домывать в туалет.

«Да, это тебе не Венеция, – подытожил он впечатления гостыи. – Хорошо, что она этот сральник не видела». Раковина умывальника в мужском туалете была отколота так, что вода едва-едва попадала в сточное отверстие, не расплескиваясь по полу. Вся убогость казенных стен, в которых прошел не один год его жизни, открылась ему с беспощадной резкостью, и он еще раз порадовался, что покидает их раз и навсегда.

Он заварил остатки растворимого кофе, бросил в чашки гнутые алюминиевые ложечки, достал из сейфа надорванную коробку с рафинадом. Оттуда же он извлек и электроразрядник Вантуза, включил его в сеть. Пока Карина, обжигаясь, пила горячий кофе, он выписал ей свідетельскую повестку, отметил явку и взялся за протокол допроса.

– Так... Табуранская Карина Казимировна... Год и место рождения?

– Ты это серьезно? – вскинула она на него длинные с полуоблетевшей тушью ресницы.

– Это по делу о нападении на тебя в Шереметьеве. Его будет вести другой следователь.

Он сейчас придет. Я хочу, чтобы ты побыстрее покончила со всеми формальностями и мы уехали бы...

– Куда?

– Хоть куда. В безопасное место. Подальше из Москвы.

– Это где?

– Если ты хочешь, чтобы я помог тебе выжить в этой ситуации, не задавай лишних вопросов. И побольше ответов, пожалуйста. Итак, где ты родилась?

– Город Гродно. Первого сентября одна тысяча девятьсот семьдесят третьего года. Я правильно отвечаю, гражданин начальник?

– Продолжайте в том же духе, гражданка Табуранская. Место работы. Профессия. Должность?

– Товарищество с ограниченной ответственностью «Сотана ТВ-э». Референт-переводчик.

– «Сотана ТВ-э»... Это что-то с телевидением связано?

– Нет. Это слово-перевертыш. Если прочитать наоборот, получится «Эвтанатос».

– Эвтанатос... Эвтаназия. Греческое слово.

– Знаешь, что оно означает?

– Благородная смерть.

– Приятная, легкая смерть.

– Веселенькую ты себе фирму подыскала. И чем она занимается?

– Пей свой кофе. Остыл.

– И все-таки, чем занимается фирма «Сотана ТВ-э»?

Карина отставила чашку с недопитым кофе.

– Я дала подписку о неразглашении.

– Хм... Считай, что укол паука-птицееда снял с тебя всякую ответственность перед фирмой. Или ты собираешься вернуться?

– Нет.

– Хочешь, я дам тебе подписку, что все услышанное от тебя я не обращу тебе во вред?

– Не надо никаких подписок. Просто я действительно не знаю, чем именно занимается эта фирма. Что-то медицинское. Какие-то лекарства, препараты собственной разработки. Почти вся продукция идет за бугор.

– А ты чем занималась?

– Переводила. Готовила контракты. Подавала кофе. Улыбалась. Делала книксены. Эскортировала.

– Это еще что такое?

– Ну, сопровождала важных контрагентов в ресторан вместе с шефом.

– А кто шеф?

– Я видела его всего два раза. Пожилой такой, профессор или академик даже. Его зовут Герман Бариевич. Кликуха Гербарий.

– Ну, хорошо. Вернемся в Шереметьево. Вот тебе лист. Напиши все, что с тобой произошло. Придет Махалин Виктор Георгиевич, отдашь ему. Я зайду домой, заберу вещи и собаку.

– Собаку? А кто у тебя?

– Кавказец. Вот такой мужик! Дельф Бурхан Паррайт фон Пален.

– Здорово. А у меня пудель был. Бутон.

– Почему был? Чумка?

– Энтерит.

– Бывает. Прививку надо было делать... Кстати, вот твой шприц-тюбик, я отдам его на экспертизу... Сиди здесь и никуда не выходи. Я вернусь через полчаса.

– Хорошо. Буду пай-девочкой.

Еремеев выдернул из розетки электрошокер, надел на запястье и сбежал по лестнице вниз. Наведываться одному на свою засвеченную квартиру было небезопасно, и он очень обрадовался, когда увидел, что сержант Макарычев еще не уехал.

– Макарыч, подбрось меня на Пугачевку.

– Да тут же рядом...

– Подбрось, подбрось, за мной не заржавеет.

Макарычев распахнул дверцу, убрал с переднего сиденья укороченный автомат, Еремеев сел, и «жигуль», обогнув арест-площадку с разбитыми автомобилями, съехал в улочки Заворуйской слободы, бывшей Черкизовской Ямы, населенной когда-то отпетым жульем и ворьем, а ныне застроенной лабиринтом пятиэтажных хрущоб, куда не по своей воле переехали бывшие жители московского центра. На 2-й Пугачевской Макарычев притормозил у знакомого подъезда.

– Подожди минутку... Я быстро! – бросил ему Еремеев и выбрался из машины. Он оглянулся – ничто вокруг не вызывало никаких опасений. Сосед копался в «запорожце», школьники с ранцами выбегали из подъезда...

Он поднялся на свой этаж и прикусил губу: дверь его квартиры была слегка приоткрыта. Неужели, выбегая ночью, он не захлопнул замок? Быть того не могло. Французский замок срабатывал безотказно. А он хлопнул дверью и хорошо хлопнул... Еремеев достал пистолет, встал боком к простенку и толкнул дверь...

«Может, позвать Макарычева? Пусть подстрахует, все-таки с автоматом... Раньше надо было думать!»

Он осторожно заглянул в прихожую, и сердце горестно сжалось. Дельф лежал на пороге кухни в луже крови – такой же алой, как и человечья. Он бросился к нему, забыв заглянуть в комнату, – не притаился ли кто? – к черту! – Дельф, бедняга... Пес тихо проскулил, слабо дернулся и замер... Шерсть на груди, шее и правом боку была густо промочена кровью. Кровью же были забрызганы обои прихожей, кровавые следы лап и чьих-то ботинок испещряли линолеум коридорчика... Издав рыдающий горловой звук, Еремеев бросился на кухню, распахнул холодильник, в дверце которого хранились лекарства, выхватил пузырек с перекисью водорода, вспорол облатку марлевого пакета, выдернул жгут. Руки тряслись, чего никогда не бывало. Отвык... Капитан Еремеев, не распускайте нервы!

Он быстро осмотрел и ощупал раны. Стреляли с близкого расстояния, почти в упор, шерсть на правом плече подпалена... Цело ли сердце? Не перебит ли хребет? И где у собак артерии? К ветеринару надо. Макарычев! На машине. Немедленно.

Соседка Анна Павловна выглянула из-за своей двери, запричитала.

– Ох, горе-то какое! Совсем ворье обнаглело, середь бела дня лезет... Собачку-то больно жалко. Жив?

– Пока дышит... Что здесь случилось?

– Да вот только что, минут с десять назад, слышу, Дельфик не своим голосом зашелся. Потом – пах! пах! Крик, мат, вой, еще – пах! И стихло. Я в глазок, а мимо шасть, шасть двое и проскользнули. Убежали.

– Не разглядели?

– Да куда там! Глазок мутный. Один вроде в белом был. Я вам на работу стала звонить, а мне сказали – был да вышел.

Еремеев сунул старушке ключи.

– Анна Павловна, приберите тут, присмотрите. Я попробую в ветлечебницу успеть.

Он поднял четырехпудовое тело пса на руки, и, пачкая куртку и брюки кровью, сбежал по лестнице к машине. Макарычев поспешил распахнуть дверцы, Дельфа уложили на заднее сиденье, подстелив под него еремеевскую куртку.

– Кто же это его так, а? – сочувственно крякнул сержант.

– Потом разберемся. Гони, Макарыч, на Красносельскую. Ветлечебницу знаешь?

– Может, в нашу ветслужбу его?

– Нет, туда... Стоп! Секунду ждать. Потерпи, Дельфик, потерпи!

Он еще раз взбежал по лестнице. Анна Павловна замывала кровавую лужу в прихожей.

– Забыли что?

– Тут чемоданчик такой был... Черненький...

Метнулся в комнату. Неужели взяли? Тридцать тысяч, все прахом... И ордена, и кортик. У, гады!..

Но «тревожный» чемоданчик стоял там, где он его оставил – под столом. Не взяли! Дельф отстоял. Не пустил. Ну, конечно же они вошли... Пока вскрывали дверь, он не лаял. Кавказские овчарки, волкодавы, поджидают врага в лежке и молча. Потом нападают. Напал. Не завидую тому, кто шел первым. Со страху стали стрелять. Да разве такую махину одной пулей уложишь? В башку не попали, в сердце, вероятно, тоже, бросились наутек.

Ну, Дельфинчик, выручил! Ну, родимый, спасибо!

Но кто? Эти, из белого «мерса»? Ладно, потом разберемся... Собаку спасти надо!

И все же он не пожалел минуту, чтобы разглядеть повнимательней кровавые следы на полу. Уж очень четко и нагло проступали они на линолеуме. Линогравюры, а не следы. Чаще других повторялся отпечаток подошвы сорок четвертого размера с характерной подковообразной фигурой в протекторе каблука. Он запомнил эту кровавую литеру «U»...

Патрульный «жигуль» вырулил на Большую Черкизовскую, и Еремеев включил синюю мигалку. Дорогу!

Пес слегка постанывал на выбоинах в асфальте, на перепутьях трамвайных рельсов. Значит, слава богу, жив еще... «Живи, миленький, держись, браток», – умолял его и вслух, и про себя Еремеев.

– Сколько ему? – спрашивал Макарычев.

– Только что два стукнуло.

– Самый расцвет. Юноша по их собачьим меркам. Должен сдюжить, Орестыч. Не мандражи – обойдется.

– Понимаешь, Макарыч, собака – это меньшее, конечно, чем человек, но большее, чем животное.

– Да это ты мне не объясняй. Сам десять лет эрделя держал. Долли. Ох, и классная, я тебе скажу, сука была...

В ветлечебницу стояла длиннющая очередь. Но никто и слова не сказал, когда Еремеев пронес на руках окровавленного пса прямо в смотровую.

– Лазарь Моисеевич, спасите Дельфа! Вы его знаете... Любое лекарство. Чего бы не стоило. Валютой плачу. Спасите!

– Несите в операционную! Быстро! Раны резаные?

– Огнестрельные. Я вам ассистировать буду.

– Мойтесь! Зоя Дмитриевна – ножницы и бритву!

Из Дельфа извлекли две пули. Третья, пробив складки шеи, прошла навывлет. Сшили перебитую артерию, загипсовали раздробленное предплечье...

Еремеев открыл чемоданчик, отсчитал пять сто долларовых бумажек и сунул их в карман ветврачу.

– Спасибо. Завтра заеду навестить.

Макарычев уже уехал, и Еремеев нырнул в метро. Карина, должно быть, заждалась, – вместо обещанных полчаса пролетели все полтора... Но какая же гнида сунулась? Эх, если бы собаки могли говорить!.. Да что толку, в суде показания животных признали бы недействительными... Однако и чушь вам в башку лезет, ваше благородие. Крыша еще не съехала, но уже в пути... Поедет тут – дом сожгли, собаку застрелили. Ну и год выпал. А еще год Собаки, мой год...

На Преображенке он заглянул в старообрядческий храм, стоявший против отделения милиции. Отыскал икону Николая Чудотворца.

– Святой отче, не обессудь! За бессловесную тварь прошу, не попусти ее в беде. Никого у меня не осталось. Спаси ее и сохрани, о всеблагий Чудотворец!

Карина и в самом деле его заждалась. Махалин, закончив официальную часть допроса, уже пытался флиртовать с девушкой, и Еремеев поспешил увести свою подопечную. На Преображенском валу он остановил таксиста и велел ехать в Сокольники к платформе Маленковской. Там они дождались сергиево-посадскую электричку и сели в хвостовой вагон.

– А где собака? – спохватилась вдруг Карина. Еремеев рассказал, что произошло. Девушка помрачнела, надолго замолчала, потом достала из сумки плеер, надела наушники и, откинувшись на спинку сиденья, ушла в мир только ей слышимой музыки.

По вагону сновали бесконечные продавцы газет, книг, хозяйственной мелочи.

– Анекдоты про Штирлица и Чапаева, Вовочку и Горбачева, Ленина и Брежнева, чукчу и Рабиновича...

– Свежие номера «Совершенно секретно», «Спид-инфо», «Страшная газета», «Клюква», «Шесть соток», «Подмосковные известия»...

– Всего за полторы тысячи увлекательное дорожное чтение: очень крутой детектив с тремя загадочными убийствами, эротическими сценами и неожиданной развязкой. Покупайте новый триллер Эдвардса Конти «Смерть в черной шляпе». Такого вы еще не читали!

«Пошел к черту, дурак! – мысленно послал его Еремеев. – Жизнь покруче любого триллера. Тебя бы сейчас вместе с автором твоего детектива в мою шкуру...»

Карина протянула ему наушники. Он закрепил стереофоны на голове, и в уши нежно прынула роскошная раздольная музыка. По первым же летящим мерцающим аккордам он узнал оркестр Поля Мориа. Потом полилась грустная и глубокая мелодия с человеческим придыханием керамической флейты – окарины. Она всевластно и мягко собрала раздерганную душу воедино, повела, повлекла ее вверх, ввысь, и та внимала ей завороженно и отдохновенно. Джеймс Ласт. Усталый Моцарт двадцатого века...

«Сволочи эти музыкальные редакторы! – озлился вдруг Еремеев. – Гонят на радио сплошной рок. Заводят людей, как роботов, на агрессию, разрушение, на излом, бесовщину... А народ надо успокаивать, утешать, умирять. Что бы им озверение не снимать? Крутили бы Джеймса Ласта с утра до ночи. Так нет, как стекловату в уши забивают...»

Карина дернулась и обеспокоенно оглянулась. Еремеев снял наушники.

– Ты чего?

– Прошел знакомый один. Из нашей фирмы...

– Он тебя заметил?

– Кажется, нет.

– Есть доброе морское правило: если ситуация кажется тебе опасной, считай, что она опасна. Выходим!

Они вышли на станции Пушкино и сейчас же затерялись в пестрой толпе привокзального торжища. Судя по рассказам отца, оно очень походило на «шварцмаркеты» в послевоенной Германии. Тем более что добрая половина товаров здесь была немецкого производства. А уж водка – почти вся «шнапс».

Еремеев купил для подарка бутылку «Никольской», на этикетке которой был изображен псевдорусский казак с дворницкой бородой, в обкомовском «пирожке», сдвинутом на манер папахи, с витыми немецкими погончиками на зеленом мундире. Пусть Тимофеев, природный казак, к тому же Николай, потешится над этой «Никольской». Бутылка в чемоданчик не влезла, пришлось произвести кое-какую переукладку. Парень с нагрудной табличкой «Куплю ордена, золото, иконы» заглянул через плечо:

– Почем ордена, дядя?

– По литру крови за каждый. Племян-ничек...

– Я серьезно...

– И я не шучу.

– Совок ты непроцарапанный, – сплюнул парень с рыжим «ирокезом» на стриженной башке.

– А за «совка» схлопотать можно, пизьнесмен хренов, зелень подкильная, рвань дешевая...

– Но-но, не очень-то!..

Незадачливый бизнесмен на всякий случай подался поближе к синей «Волге», на лобовом стекле которой белел лаконичный плакатик: «Куплю все».

– Ну, ты, купец х...в, продай тачку.

– Не продается.

– Да брось ты. Все продается. Почему брал?

– Десять тыщ зелеными.

– Ясно, что не деревянными. Двенадцать плачу.

– Это как, серьезно, что ль?

– Я ж сказал – не шучу.

Еремеев достал из чемоданчика пачку долларов. Карина с интересом следила за их торгом, невольно подзадоривая парня одним лишь своим присутствием.

– Ну, это подумать надо, – процедил «ирокез».

– Чего тут думать, две тысячи чистого навару. Сколько тебе, хриstopродавцу, нужно икон продать, чтоб столько огрести?

– Ну, это смотря какие иконы...

– Пробег большой?

– Сорок тысяч накрутил.

– Годится. Где на учете?

– В Сергиевском ГАИ.

– Поехали. У меня там знакомые. Враз переиграем.

Еремеев по-хозяйски распахнул заднюю дверцу, швырнул на сиденье Карину сумку. Сам сел рядом с водителем, устроив на коленях «тревожный» чемоданчик.

– Ну, трогай!

Парень вырулил на Ярославское шоссе, и широкая, в соснах по обочинам, магистраль понеслась под колеса.

«Ирокез» врубил приемник, подцепив на антенну какой-то очередной эстрадный вопль. Еремеев поморщился, хотел попросить убавить громкость, но не стал. В этом орище тонул для чужих ушей их разговор с Кариной.

– Ты что, серьезно хочешь купить эту тачку? – спросила она.

– Да. Мне нужны колеса.

– Выбери что-нибудь получше.

– Мне не нужна иномарка. Меня устраивает «Волга».

– Чем? На нее бензина не напасешься.

– Зато она по нашим дорогам. Кирпич можно возить, цемент. Строиться буду.

Это была полуправда. Конечно, машина великое подспорье для строительных дел, но помышлял он о ней и раньше, до пожара, лелеял мечту посмотреть Россию от Москвы до Владика с четырех колес. Теперь и вовсе полезно было бы отскочить от столицы куда-нибудь подальше Хотькова и подольше, чем на грядущее лето... Куда? Еще есть время выбрать. Да и с майором потолковать бы не мешало.

– Девушку вот только высадим в Хотьково – и в Сергиев, – предупредил Еремеев «ирокеза». Тот молча кивнул рыжим гребнем.

– А что я буду в Хотькове делать? – обеспокоенно спросила Карина.

– Подождешь меня у моего приятеля. Я приеду, будем совет держать – что, куда и когда...

Кстати, ты знаешь почему Хотьково Хотьковым назвали?

– Почему?

– А тамошний монастырь принимал на ночлег всех странников-паломников – хоть кого, Хотьково.

– Далеко оно, это Хотьково?

– Да за четверть часа домчим.

Доехали и того раньше: минут за десять, свернув с Ярославки под виадук и налево, пронесли мимо дорожного щита с названием древнего городка, а там и холмистая панорама старинного монастыря открылась, бесцеремонно обстроеного кирпичными параллелепипедами жилых блоков. На самом въезде в город их обогнал зеленый рафик, а вслед за ним стремительно пронеслась голубая «мазда». Она поравнялась с микроавтобусом, и тут из открытых ее окон грянули в два ствола автоматные очереди. Били почти в упор недолго, но верно. «Рафик» завалился, чиркнул бортом в надолбу телеграфного столба и опрокинулся поперек узкой шоссе-сейки, заскользил к мостику через Ворю.

Все произошло в считанные секунды. «Ирокез» даванул на тормоза, всех бросило вперед, Еремеев пребольно вдавился в свой чемоданчик, но все же успел упереться руками в панель. «Волгу» юзом нанесло на крышу микроавтобуса – железный скрежещущий удар, звон стекла, боль во лбу и последняя мысль – конец...

Все же мысль была не последней, так как тут же высветилась другая – «жив!»

Жив был и «ирокез», а главное – Карина, она отделалась легкими ушибами. Смазав с рассеченного лба кровь, Еремеев выбрался из помятой «Волги», заглянул в искореженный рафик. Водитель, пожилой мужчина, придавленный мотором, не подавал признаков жизни. Глаз мельком отметил два пулевых попадания в голову – кончен. Пассажир, сидевший рядом – через кожух двигателя – хрипел и дергался, пуская из изуродованного рта кровавые пузыри. Двое парней в салоне тоже еще были живы, хотя и прошиты навывлет. Проще всего было вытащить того, что сидел, а сейчас полулежал, рядом с водителем. Еремеев открыл почти не пострадавшую дверцу и крикнул побледневшему «ирокезу»:

– Помоги!

Но вместо рыжего на помощь бросилась Карина. Они уложили захлебывающегося кровью парня на траву. Рана его была ужасна: пуля раздробила нижнюю челюсть, и к тому же он ткнулся лицом в лобовое стекло – глотку забивало стеклянное крошево и кровавый кляп иссеченного языка. Раненый задыхался. «Еще минуты три – и асфиксия», – профессионально отметил Еремеев. В нем вновь ожили полузабытые навыки и рефлексy. Все было как в Афганистане: разбитая изрешеченная машина, обочина, раненые... Не было только медицинской сумки под рукой.

– Аптечка есть? – крикнул он бизнесмену.

– Нет.

– Ну и дурак. Тащи мой чемоданчик!

По старому доброму правилу, заведенному еще с курсантских времен, Еремеев всегда носил в заднем кармане брюк перевязочный индивидуальный пакет. Сегодня утром он израсходовал его на Дельфа, пополнить же не успел.

– У меня есть вата! – вспомнила Карина.

– Давай сюда.

Он вытащил из чемоданчика бутылку водки, скрутил колпачок и сполоснул руки. Обмотав указательный палец ватой, смоченной водкой, он попытался очистить глотку от стекла. Но это плохо удавалось.

– Булавку английскую! Ну?! – умоляюще посмотрел он на помощницу. Карина растерянно шарила по джинсам, куртке.

– Шпилька подойдет?

– Годится.

Обеззаразив шпильку водкой, он оттянул язык пострадавшего, проткнул кончик шпилькой... Теперь надо было приколоть, примотать шпильку к нижней губе, но той просто не было и в помине, как не было и нижней челюсти. Он попытался пристроить ее к узлу галстука, но не нашел чем примотать. Время летело, раненый уже синел от удушья.

«Трахеотомия!» – вспыхнуло в мозгу.

– Держи! – передал шпильку с оттянутым языком Карине. Та, сморщившись, отвернулась, чтобы не видеть лишний раз кровавое месиво вместо человеческого лица. Из того же незаменимого чемоданчика Еремеев извлек свой флотский кортик, протер клинок водкой и, нащупав под кадыком горло, вонзил острие меж хрящевых колец, затем повернул несколько раз, расширяя отверстие, и парень вздохнул... Страшный это был вздох, с кровавым всхлипом, хрипом. Но все же вздохнул и раз, и два, и в третий раз грудь его живительно приподнялась.

«Трубку бы!.. Рояль тебе в кустах!»

Однако же осенило: достал из куртки шариковую ручку, зубами вытащил затылочную пробку, откусил пишущий узел, выплюнул его вместе со стержнем и получилась вполне медицинского вида – прозрачная даже! – трубка. Промыл ее бесценной «Никольской» и вставил вместо выдернутого кортика. Все! Этот почти в безопасности. Что с другими? Других вытаскивали через заднюю дверцу салона, поддев ее монтировкой. Сначала выволокли тело двадцатилетнего парня в японской куртке с рекламной надписью «Nikon» на спине. Он уже не стоял и не дергался. Еремеев развел пальцами веки: смерть глянула на него широкими зрачками своей жертвы.

– Готов.

«Эвтаназия... Мать ее в клюз!»

Полезли за следующим. Тот оказался мужчиной лет тридцати с черными сросшимися бровями и смуглым лицом. Кавказец? Он дышал. Судя по хлюпающим звукам и кровавой пене на губах, у него был явный пневмоторакс. Разорвав ему на груди облитую рвотой рубашку (сотрясение мозга), Еремеев сразу же обнаружил кровоточащую пузырящуюся дырочку выше диафрагмы.

«Типичный клапанный пневмоторакс, – уточнил он свой диагноз. – Герметизировать входное отверстие... Кусочек бы пластыря...»

Жизнь этого незнакомого человека висела сейчас не на волоске – на лоскутке лейкопластыря. Кавказец делал судорожные попытки вдохнуть, но свежий майский воздух был ему недоступен. Кем бы он ни был в своей жизни, но сейчас он представлял собой дырявые мехи воздушного насоса, нуждавшиеся в банальнейшей заплате.

Еремеев оглянулся по сторонам. Карина все еще стояла перед ним с пакетом ваты. Пакет! Полиэтиленовый пакет... Он вытряхнул из него вату, сложил вдвое, сполоснул водкой и плотно прижал к пулевой пробоине в груди. Раненый втянул воздух и наконец-то наполнил легкие, воистину, эликсиром жизни. Жизнь... Как легко ее выпустить из брэнного сосуда...

Теперь надо было чем-то перебинтовать импровизированный пластырь. Еремеев велел Карине прижимать пакет, вытащил у кавказца из брюк ремень, и, сделав из носового платка прокладку, притянул ее вместе с полиэтиленом. Получилось. Кавказец дышал. И даже пришел в сознание. Еремеев привалил его спиной к днищу опрокинутого рафика.

«Промедол бы... Щас тебе».

– Ехать сможешь? – крикнул он «ирокезу», сокрушенно рассматривающему покоруженный радиатор и смятое крыло.

– Да вроде бы...

– Вези этих двух в больницу. Тут за переездом на спуске к Абрамцеву...

– Да знаю я.

– Номер «мазды» не заметил?

– Нет. Да это ивантеевская мафия. Они с хотьковскими давно уже разбираются... Как с машиной-то? Брать будете?

– Отремонтируешь – возьму. Справишься обо мне на Вокзальной, в доме десять.

Подъехал милицейский мотоцикл.

– Что стряслось, граждане? Кто стрелял? – затараторил гаишный лейтенант, вылезая из коляски.

– Пусть раненых отвезет, – кивнул Еремеев на парня. – Я расскажу...

Разложили сиденья, уложили пострадавших, «Волга» двинулась в город.

– Это ваш кортик? – вскинулся лейтенант. – Разрешение на ношение есть?

– Нашел топор под лавкой! Ты бы тех искал, кто с автоматами средь бела дня разъезжает.

– Я сам знаю, кого мне искать. Документы!

Еремеев протянул ему следовательское удостоверение. Хорошо не успел сдать. Да и сдавать, похоже, не стоит. Дубликат надо сделать. Такая ксива по нынешним временам дороже паспорта.

– Куда следуете, товарищ капитан?

– По назначению.

– Надо бы протокольчик составить.

– Пиши. «Мазда» голубого цвета нагнала рафик при въезде в город в четырнадцать часов десять минут...

Глава восьмая. Хоть кого в хотьково не принимают

Отделавшись от гаишника и смыв с рук кровь в придорожной Воре, Еремеев, взвалив на плечо Каринину сумку, вошел в монастырские ворота с одиноко дремлющим каменным львом, невесть как занесенным в хотьковскую глухомань.

– Ну, денек выдался! Что твой триллер...

– А ты, Петя, ничего мужик! – Впервые за все это время улыбнулась Карина.

– Да не Петя я. Олегом зовут. Питон – это кличка. Двойная кликуха – по матери я Капитонов, сокращенно – Питонов. А потом «питонами» нас звали, когда в Нахимовском училище учился. Питомцы. Питоны.

– А мне Петя больше нравится. Можно я тебя Петей звать стану? Боевой петушок.

– А ты, курочка, тоже ничего. Крови не боишься!

– Вообще-то боюсь. Только сегодня почему-то не боялась. Куда мы идем?

– Мы идем к моему другу. Зовут его Николай Васильевич. Как Гоголя. Гоголя знаешь?

Был такой писатель...

– Да уж проходили в школе.

– Проходили, проходили да и прошли.

Тезка Гоголя жил в рубленом домике между Верхними воротами Покровского женского монастыря и железнодорожной станцией, на улице, носившей, как и все пристанционные улицы в маленьких российских городках, название Вокзальной.

Над тимофеевским домом – трехконной избой со светелкой, обшитой в голубую «елочку», – высоко вздымалась хитроумная телевизионная антенна, придуманная и сработанная самим хозяином, ведавшим когда-то связью в танковом полку. Бывший майор встретил гостей одетым весьма по-домашнему – в драной десантной тельняшке, в спортивных рейтузах, укороченных под правым коленом – и уже навеселе.

– Здорово, Олежек! А я уж думал ты забыл, какой сегодня день!

– А какой день? Седьмое мая. Понедельник. Очень тяжелый день, – отвечал Еремеев, сбрасывая на крыльцо тяжеленную Каринину сумку. Кирпичей, что ли, она туда наложила?

– Сказал бы я тебе, кто ты есть после этого, да дама с тобой очень уж зажигательная, – радостно горланил Тимофеев, проводя москвичей в комнаты. – День радио сегодня, раз – братство бранных сыновей эфира! И два-с – мой второй день рождения. Кто мне правый мосол в Кандагаре оттяпал?! Он, девушка, он, изверг. Не смотрите, что он под интеллигента работает. Мясник и коновал! Зверь! Дай я тебя обниму, дорогой! Если б не ты...

– Да ладно! Я вот тебе бутылку вез – не довел.

– Одну?

– Одну.

– Одна, брат, не размножается. Давайте к столу. У меня картошка с немецкой тушенкой. Огурчики собственного засола и водочка из старых запасов – «Русская».

Пить Карина наотрез отказалась, упросила постелить где-нибудь и рухнула как подкошенная на тахте в отведенной ей комнате.

– Кто такая? – громким шепотом спросил Тимофеев, когда они вернулись к столу.

– Знакомая. Потом расскажу.

– Но ты – топор-хопер-бобер! Классных девочек снимаешь... А я, брат, отпрыгался...

– Погоди, мы тебе еще такую хозяйку найдем.

– Кто на мой пенсион позарится? Ты смотри, государство платит мне за мою ногу – если по живому весу брать – как за десять килограммов свинины на рынке. Нет, ты пойми, меня как свинину оценили. Приравняли к кабану. Меня! Майора, академию кончил! Учился больше,

чем жил. Воевал, сам знаешь как... Объясни ты мне, что ж у нас за гу-су-дарствие такое, а? Что за родина, которая своих сыновей на свинину переводит?

– Не путай, Коля, два понятия – родина и государство. Оказывается, они могут и не совпадать.

– Как так?

– Суди сам: родина – это твоя земля, дом, река, люди, среди которых ты вырос. Пушкин. Сергей. Лавра. Святогорье...

– Да понятно, не учи меня родину любить.

– А государство – это машина, это агрегат, надетый на родину либо как сверхмощный доильный аппарат, либо как, скажем, лечебный аппарат Илизарова. Либо эта машина твою родину в люди вывозит, либо давит, как танк.

– Согласен. Зачет. Убедил. Тогда скажи вот что. Как законник скажи. Представитель, так сказать, правоохранительных органов. Вот вы это право охраняете, охраняете. А преступность растет. И еще как растет-то. В кого ни ткни – тот вор, тот взяточник, тот бандюга, а этот фарцовщик, а та – путана. Хреново что-то охраняете! Тогда посылай свою контору на все четыре да приходи ко мне с концами. Веломобили будем клепать. Людям польза.

– Уже бросил. Рапорт подписали.

– Ай, молодец! Ай, хвалю! Послушался-таки старого еврея. Давай выпьем за новую жизнь.

– А что касается роста преступности, то это следствие несовпадения государства и родины.

– Умно загнул.

– У нас ведь в России народ веками привык видеть в государстве давилку, ненасытную притом. Дай, дай, дай... Подати, налоги, оброки, повинности... И притом никакой ошутимой помощи, никакой защиты – ни от чиновника, ни от конокрада. Или там от автоугонщика. Ладно, от Наполеона с Гитлером худо-бедно отбились. Да и народ горой встал, кровью залил, телами завалил. А сколько оно, это государство, само войн спровоцировало? Один Афган чего стоит.

– Афган не тронь.

– А финская, а Чехословакия, а Чечня...

– Тебя послушать, ты как анархист рассуждаешь. Что ж, государство и не нужно совсем?

– Нужно, конечно. Но такое, чтоб я знал, что на мои кровные, которые я в налог отдаю, построили новый мост в Хотькове, а не загородную виллу очередному мэру.

– Так на то вы и приставлены, правоохранительные органы!

– Все это так. Но я отвечаю тебе на твой вопрос. Народ веками видел в государстве только пресс, и веками этому прессу сопротивлялся. Государственное? Тащи, грабь. Урвал – молодец! Обманул чинарика? Бумагу, справку подделал – так и надо! Режь подметки на ходу, парень, они государственные. У государства всего много. Все равно отберут. Оно вчера, а ты сегодня. Оно днем, а ты ночью. Вот такая психология нам уже в кровь вошла, в гены. Выросли поколения – носители антиправового сознания: «сколько у государства не воруй, а своего не вернешь». Вот тебе и рост преступности. Вот тебе и всплески криминала.

– Но мы-то кровь за что проливали – за народ? За государство? Или за криминал?

– За криминальное государство.

– Ну, хватил! Как настоящий демократ сказанул.

– Брежневское Политбюро – типичная бандгруппа от политики. Над законом себя поставили. Творили, что хотели. Разворовали всю страну.

– А я тебе так скажу – не надо было СССР разваливать!

– А кто его развалил, по-твоему, Ельцин? Горбачев?

– Кто же еще? С него, меченого, и началось, в муравейник его жопой!

Еремеев выскочил из-за стола, заходил по комнате.

– Тебя послушать, Горбачев – супербогатырь. Пришел и державу развалил. Кишка тонка одному человеку такую махину развалить. Сама рухнула. Час ее пришел. С семнадцатого года все разваливали, развалить не смогли.

– Но ведь жили же!

– На нефtedоллары жили! Сырье продавали, тем и жили. Когда страна торгует своей природой, она ничем не лучше проститутки, которая телом приторговывает!

Тут вскочил и Тимофеев, заковыляв на протезе по другую сторону стола.

– А позвольте вам меж глаз врезать, сэр! Что, СССР великой державой не был?! Или мы в космос корабли не запускали? Или атомные подлодки не строили? Или танки хреновые были? Весь мир в кулаке держали!

– Великая держава, говоришь?! А хлеб у Америки покупали! Хороша великая, сами себя прокормить не могли. Это тоже абсурд – наводим ракеты на того, у кого хлеб берем!

– Так если бы они на нас своей атомной бомбой не замахнулись, кто бы на них ракеты наводил? Сами бы свой хлеб растили.

– Хрен бы растили! До атомной бомбы, до войны мы что, много хлеба навывращивали? Да пойми ты, Коля, Россия до 17-го года полмира своей пшеницей кормила, а при большевиках зерно на золотые слитки менять начала. Это нормально?

– Да ладно тебе, – в сердцах рубанул ладонью воздух Тимофеев, – что мы, в «застойные» годы голодали шибко?!

– Кто это «мы»?! – вскинулся изрядно распаленный Еремеев. – И где это «мы» не голодали? В Москве – да. А здесь, в Хотьково, а в Сергиевом Посаде, а на Волге, а за Уралом, а в России? А талоны на колбасу забыл? А макароны с черного входа? А номера на ладонях? А очереди за водкой? А «больше двух в одни руки не отпускать»?

– Ну, это только в последние годы было.

– Ага, только хорошо жить стали, бац, деньги кончились! А почему кончились? Да потому что в Политбюре твоей любимой их не считали. Во-первых, считать не умели, потому что честной статистики в стране не было, все цифры с потолка начальству лепили. А во-вторых, считать не хотели, потому что полагали, что в России всего много. БАМ? Вот вам десять миллиардов на БАМ. Ах, он уже почему-то четырнадцать стоит? Ну, берите четырнадцать. Ах, он на хрен кому нужен? Тс-с! Об этом ни полслова. Пусть это будет скромным памятником Ильичу. Реки повернуть? Из Сибири на юг? Пожалуйста. Еще одна стройка века. Ах, никому не нужно и даже вредно? Ну и не будем, черт с ними, с миллиардами. Еще напечатаем.

Да тут никакая самая развитая экономика не выдержала бы! Америка бы рухнула, заставь американцев лепить мемориалы своему Линкольну в каждом штате и на каждой ферме памятник ставить.

– Под Ленина копаешь?

– А знаешь, сколько твоих любимых танков – я уже не говорю об одноразовых шприцах – на один только ульяновский мемориальный комплекс можно было выпустить?

– Да на кой ляд эти танки? Мы их столько наклепали, что...

– Вот! Вот! Потому и наклепали без счета, что считать не умели и не хотели. Вот и просчитались кремлевские старцы. Вот и повело их на перестройку, которую тоже не просчитали.

– А твои дерьмократы лучше?

– Ну, если я дерьмократ, то ты совок красно-коричневый!

Тимофеев остановился, схватился за край стола, нависая над ним, словно ствол самоходной пушки. Голос его задрожал на ноте последнего срыва:

– Да, я – красный! От злости и обиды покраснел. Мне ногу оттяпали, а потом ваучер сунули. Я на него пять бутылок водки купил! Это что – моя часть всероссийского нашего достоинства?! Это за то, что мои отцы и деды настроили, напахали, навоевали – пять бутылок водки?!

Так это твои демократы сотворили, а не домушники. Это ты им служишь, ты их защищаешь. А меня – в коричневые записал. В фашисты, значит. А у меня батя под Берлином лег, а я фашист? – бил Тимофеев прямой наводкой, темнея от гнева и выпитого. – Так какого хрена ты к фашисту приперся со своей кралей? А? А ну, марш отсюда к своим демократам, трубка клистирная, мент поганый! Из-за таких, как вы...

Спорить с ним было и бесполезно, и опасно. Еремеев отшвырнул стул, загораживавший выход из гостиной, и двинулся в комнату Карины. Вошел без стука.

– Пошли, Карина! Вставай.

– Умираю – спать хочется...

– Надо идти. Пойдем!

– Куда еще?

– В баню.

– Не остроумно.

– Говорю в баню, значит, в баню! У меня на участке только баня и осталась. Дом сгорел.

Там вполне переночевать можно.

– А здесь нельзя? – нехотя приподнялась Карина.

– Видишь ли, нас некоторым образом выставляют. Политические платформы у нас не сошлись. Консенсус не нашли.

– А там найдем?

– Найдем. – Еремеев снова закинул на плечо Карину сумку.

– Далеко?

– С километр.

– Охо-хо... Только уснула.

Они побрели на еремеевское пепелище и вошли в незапертую баню, забитую уцелевшими или слегка обгоревшими вещами. В небольшой парилке на двух полках были расстелены спальные мешки, изрядно прокопченные дымом пожарища. На них и улеглись. Карина на верхней полке, а Еремеев на нижней. Обоим пришлось слегка подогнуть ноги – вытянуться в полный рост парилка не позволяла. От волос Карины, свешивающихся вниз и едва не касавшихся лица Еремеева, шел тяжелый густосладкий дух розового масла.

«Больше всего на свете, – припомнилась булгаковская строчка, – пятый прокуратор Иудеи не любил запах розового масла». «А чего особенного, вполне приятный аромат», – подумал Еремеев, удерживаясь от соблазна погладить душистые волосы.

– Вот этой ночи уже не было бы в моей жизни, – отрешенно глядя в осиновы доски потолка, произнесла Карина. – А она есть. Как странно... Наверное, это уже другая жизнь.

– Другая, – подтвердил Еремеев. – Я живу уже в третьей своей жизни.

– Значит, ты везучий.

– Хотелось бы так думать.

– Ну надо же! Представить себе не могла, что после Венеции буду ночевать в какой-то хотьковской бане...

– Жизнь хороша своими контрастами, – вздохнул Еремеев. – Вчера Венеция, сегодня Хотьково...

– А завтра?

– Завтра Париж или Лос-Анджелес.

– Ростов-на-Дону.

– Да ну? – в рифму удивился Еремеев.

– Я к тетке уеду. Там меня никто не найдет.

– А здесь и подавно.

Она замолчала, прислушиваясь к шуму проходящего неподалеку поезда, потом спросила:

– А когда он вошел в комнату, у него в лице что-нибудь изменилось?

- У кого у «него»?
 - У Лео. Ну, когда я вроде как мертвая лежала?
 - У него-то?! – усмехнулся Еремеев. – И ты называешь это лицом?! У него на ряхе было одно – как бы не воскресла и не проговоришься. И еще – бежать отсюда побыстрее и подальше. Забудь его, он остался в другой жизни. Тебе Венеция понравилась?
 - Спрашиваешь! Правда, жить там я бы не захотела. Сыро. Плесень. В каналах вонь. Это только туристам в охотку... Вот Езоло совсем другое дело! Там такие пляжи, коттеджи... А солнце! А море Средиземное! Вода синяя-синяя...
 - Я видел.
 - Где, в Езоло?
 - Неподалеку. Через перископ подводной лодки.
 - А зато я на яхте каталась. Целых три дня на яхте жила.
 - Это как в «Греческой смоковнице», что ли?
 - Ну, почти...
 - Счастливая.
 - А поехали в Ростов! Там тоже яхты есть.
 - Нет, чтобы в Венецию пригласить.
 - Да у тебя и паспорта заграничного нет.
 - Сделаем.
 - А что, это идея! Ты теперь состоятельный мэн. Свозите, Петя, девушку в Езоло! На ее бывшие баксы. А?!
 - И свожу. Но тебе же в Ростов надо.
 - Ростов подождет... Нет, в Венецию нельзя. Там у них все схвачено.
 - У кого у «них»?
 - У Гербария. Поедем лучше в Арабские Эмираты. Вот где кайф. И море синее, и яхты белые...
 - Ты там тоже побывала?
 - Нет. Подруга рассказывала. Она замуж вышла за одного абу-дабийца.
 - И как дабиец?
- Карина закинула руки за голову и мечтательно пропела:

Эх, гуляли мы
эх, проказили...
Очи черные душу сглазили.

- Еремеев заворочался на своей полке.
- Хорошо поешь. Голос есть.
 - Как говорила бабушка: и волос есть, и голос.
 - А бабушка где?
 - В Гродно.
 - Как же ты из Гродно в Москву перебралась?
 - Как-как... Вышла замуж – развелась. Скучно все это. Спокойной ночи!
- Еремеев не ответил. Он уже спал, провалившись в темную яму, набитую черным пухом. И снилось ему синее море, белая яхта. Потом по мачте взбежал мохноногий паук-яйцеед. Голубая «мазда» выскочила на причал. Дельф рванулся из кокпита. Раздалась очередь, другая, третья...
- Стучали в окно бани. Виноватый голос Тимофеева с трудом пробивался сквозь двойные стекла:
- Ну, вы это... Чего ушли-то!
 - Спрашивает, гад! – Еремеев приподнялся на локте.

– Давайте это... Обратно. Ну мало чего я по пьяни намолол. Не сердись, Ерема! Ты вот мне ногу-то оттяпал, я и то не сержусь. Пойдемте, ребята! Завтрак стынет. Я уж приготовил все.

– А что на завтрак? – полюбопытствовала из своего мешка Карина.

– Яичницу из шести яиц сбавал! – воспрянул духом майор. – Тройная глазунья на сале с луком. Огурчики там. Тушенка. Кофе, если кто желает, со стущенкой.

– Желает, желает!.. – свесила ноги с полки Карина. – Пойдем, что ли, Петя!

– Сама ты тетя Клепа! Не пойду. Его сейчас опять на политику поведет.

– Завязываю с политикой! – божился за оконцем майор. – Ну ее к Гайдару! Слова больше не скажу. Как огурец молчать буду! Идемте, братцы, а?!

И он действительно выполнил свое обещание – весь завтрак молчал как заклятый и только за кофе промолвил:

– Ты помнишь, как я замполита послал с его «Малой землей»?

– В Кандагаре?

– В Хайратоне. В Кандагаре меня за анекдоты про бровеносца тягали.

– Ну, ты у нас известный борец против коммунизма и брежневизма. Партбилет небось в подушку зашил?

– Ладно, ладно, подъялдыкивай увечного воина. Бог, он все видит.

– Ишь ты, и про Бога вспомнил. Нехристь краснопузая.

– Это я нехристь? – взвился Тимофеев. – Да ты знаешь, где меня крестили?

– В соборе Парижской Богоматери.

– Хрен вам в глаз. В Мологе.

– Это где-то под Мадридом?

– Под Рыбинском. Был самый старинный русский городок на Волге. Затопили его перед войной под водохранилище, да не полностью, а по второй этаж. Что твоя Венеция. И церковь наполовину из воды с колокольной торчит. Ну, на колокольне красный фонарь повесили, чтоб прихожане, значит, не напоролись. А вот в церковь ту выселенные мологжане на лодках приплывали. И молились с лодок. И детей на лодках крестили. И батюшка на лодке прямо в Волгу окунал. Вот и меня также. Мне года три было – все помню. Даже снится иногда – лодка всплывает под церковные своды и лики святых близко-близко... Туда и сейчас еще народ ездит. Вот тебе и град Китеж. А ты – красно-коричневый...

– Ладно, беру свои слова обратно... Все мы совки изрядные.

– Это почему же все?

– Да сидим мы в России, как пассажиры в автобусе, а кто там за руль сел – никому дела нет. И куда ни повезут – трясутся, качаются и молчат.

– Опять вы в политику ударились! – вмешалась Карина.

– Чтобы с ним дойти до точки, – резюмировал Тимофеев, – надо вылакать полбочки!

– Ну так как насчет Абу-Даби? – напомнила Еремееву Карина.

– Жарко там очень. Я тут остаюсь. Продам квартиру в Москве и отстрою нормальный дом в Абу-Хотькове.

– Ну, тогда я в Ростов подамся. Там и Арабские Эмираты поближе.

– Желаю тебе найти порядочного эмира. Чтоб не изменял с чужим гаремом.

– Не волнуйся – я найду.

– Нет никаких сомнений! Но пока ты останешься здесь. Я съезжу в Москву. Проведаю Дельфа. Куплю тебе билет до Ростова. Оформлю продажу квартиры. Вечером вернусь. Переночуюем в нормальных условиях. И завтра двинешься.

– Нет-нет, – запротестовала строптивая Дева. – Я тоже поеду в Москву!

– Ну, какой резон тебе ехать? Лишний риск. Попадешься на глаза кому-нибудь из своих пауков-птицеедов.

– Не попадусь – Москва большая. Я тоже хочу собачку навестить. Я ей «Педигри» куплю.

Получасовые препирательства ни к чему не привели. Карина твердо стояла на своем:

– Еду! В конце концов мне нужно деньги по кредитке получить. И билет я возьму не на завтра, а на ночной поезд.

– Но...

– Иди ты в баню! В свою, конечно.

Тимофеев проводил их до станции. Перед тем как войти в вагон электрички, Еремеев не утерпел и ввернул на прощание:

– А все-таки то, что мы сейчас имеем, началось с твоего Великого Октября. В семнадцатом Россия получила удар под сердце. Семьдесят три года Совдепии – это в масштабе исторического времени семьдесят три секунды агонии. Я как врач тебе скажу – человек в агональных конвульсиях может гору свернуть, могут быть периоды улучшения, но конец неизбежен. И он наступил.

Майор раскрыл рот, чтобы горячо возразить, но тут зашипели тормоза, двери съехались, вагон дернулся, и электричка, натужно гудя, потянулась к Москве.

Карина демонстративно села подальше от Еремеева – к противоположному окну. Однако как только рядом с ней примостились трое черноусых южан, тут же перебралась к надежному спутнику и напялила наушники плеера. Еремеев купил у разносчика газет «Московский комсомолец» и «Завтра» и стал читать попеременно то одно, то другое издание. В ответ на недоуменный взгляд Карины коротко пояснил:

– Истина как раз посередине!

Девушка сняла наушники и нацепила их Еремееву. Голос Вики Цыгановой отчаянно стонал:

А ты уймись, уймись, тоска.

Я устала от совка.

Ох, душа-пророчица,

Когда это кончится?!

Глава девятая. Экспедиция за золотом Колчака

С Ярославского вокзала они направились на Красносельскую, в ветлечебницу. По пути Карина купила в зоокиоске большой пакет витаминизированного собачьего корма.

– Боюсь, ему это не понадобится, – мрачно заметил Еремеев.

Дельф лежал в отдельном боксе, забинтованный крест-накрест. Он с трудом поднял здоровенную башку, забил хвостом, радостно повизгивая.

– Лежи, лежи! – запустил в густую шерсть пальцы Еремеев. Он вжался носом ему за ухо и приветственно подышал – быстро-быстро, как это делал в лучшие времена.

– Живучая собака! – приободрил хозяина Лазарь Моисеевич. – Если и дальше так пойдет, дня через три он станет вполне транспортабелен.

– «Педигрипал» ему можно? – спросила Карина, не своя восхищенно-умильного взгляда с лобастой светлоглазой морды с живыми черными бровями.

– Очень немного и только из рук хозяина.

Дельф обнюхал лакомство, но есть не стал.

– Не утомляйте его. Ему покой нужен, – попросил ветврач и деликатно выпроводил посетителей из бокса.

На улице они разошлись в разные стороны. Карина, получив миллион предостережений и советов, отправилась на Курский вокзал за билетом. Еремеев поехал в Сокольники в фирму «Орбис», обещавшую в рекламном плакатике уладить все хлопоты, связанные с продажей недвижимости за двадцать четыре часа. Они уговорились встретиться на прощальном обеде в Столешниках в тихом и малолюдном погребке «У дяди Гиляя».

В фирме «Орбис» его встретили так, как давно уже нигде не встречали. Судя по всему, москвичи не торопились расставаться с родной жилплощадью, так что явление клиента-продавца оказалось приятным сюрпризом для главы Сокольнического филиала – очаровательной дамы лет сорока, по-американски любезной, подтянутой и деловой. В сером строгом костюме, если не считать слишком смелого разреза сзади юбки, она вышла из-за своего стола, украшенного монитором компьютера, супермодным светильником и вазочкой с фиалками, улыбнулась Еремееву так, как будто минувшую ночь они провели в одной постели, усадила за журнально-кофейный столик, вызвала по селектору хорошо вымуштрованную девочку в таком же псевдоделовом костюме, и та поставила перед ними по чашечке кофе, ликерные рюмочки и коробку шоколадных конфет. Еремееву стало стыдно за свои обтрепанные джинсы, потертую куртку, за фибровый «тревожный» чемоданчик, который он поспешил задвинуть под столик, за щеки, обросшие после ночлега в бане суточной щетиной. Но хозяйку роскошного кабинета волновала отнюдь не внешность клиента, а его недвижимость.

– Стартовая цена у нас тысяча долларов за квадратный метр. Но в зависимости от сорока семи коэффициентов качества она может как повышаться, так и понижаться. Вы согласны с таким подходом к делу?

– Согласен, – кивнул Еремеев, невольно исследуя взглядом декольте Тамары, как представлялась глава филиала. Золотой крестик с распятием Христа (явно католического происхождения) поблескивал в распадке двух телесных голгоф.

– Тогда давайте определим эти сорок семь параметров качества вашей квартиры.

«Похоже, что она была школьной учительницей. И, видимо, не замужем. Наверное, есть дочь или сын где-нибудь в выпускных классах».

– Простите, в каком классе ваш сын?

– В восьмом! – приятно удивилась Тамара.

«Вмастил!»

- Откуда вы знаете про моего сына?
- Профессия такая.
- Вы ясновидящий? Экстрасенс?
- Следователь московского угрозыска.
- Как интересно! Значит, вы твердо решили продать свою квартиру?
- Да.
- И супруга согласна?
- У меня нет супруги.
- Как интересно!.. Простите, я хотела сказать, что у нас хоть и не брачная контора, но мы могли бы посодействовать вам в выборе достойной подруги жизни.
- Спасибо. Непременно воспользуюсь вашими услугами.
- «Твой вариант, Еремеев, твой, – подзуживал он себя, вглядываясь в лицо этой миловидной шатенки. – Все при ней: и умна, и мила, и разворотлива. Будешь как сыр в масле кататься на белом “мерседесе”... Черт, дался этот белый “мерс”!»
- Итак, к делу. Вам надо будет показать свою квартиру нашему эксперту. Василий! – нажала она кнопку селектора.
- А нельзя ли это сделать без меня, – попросил Еремеев, потягивая ликер из своего лафитничка. – Я передам ему ключи.
- Но... В чужую квартиру, одному... Мало ли какие потом возникнут проблемы.
- Не возникнут. Ему откроет и все покажет моя соседка по площадке. Я ей сейчас позвоню. Просто мне не хочется лишать себя возможности выпить еще одну чашечку кофе. Вместе с вами.
- Ну, хорошо. Будем считать, что это новая услуга нашей фирмы – оценка недвижимости в отсутствие хозяина. Василий, – обернулась она к молодому клерку в безупречной серой тройке, возникшему на пороге. – Возьми мою машину и проведи экспертную оценку квартиры вместе с соседкой нашего клиента. Вот адрес.
- Василий исчез без лишних слов. Тамара пригласила помощницу, блондинку средних лет с не в меру наруганными скулами, та села за компьютер и стала фиксировать на дискете ответы Еремеева. В оценке недвижимости фирма «Орбис» учитывала все: от вида из окон до паркетного рисунка (в «елочку» или в «шашечку»), от характера соседей по площадке до типа почтового ящика, не говоря уж об антресолях, встроенных шкафах, ширине подоконников и наличии форточек.
- Теплоизлучатели какого типа?
- То есть?
- Ленточные конвекторы или чугунные батареи?
- Чугунные батареи.
- Очень хорошо.
- Кажется, это был последний вопрос в бесконечной анкете. Потом приехал Василий и быстро сверил свои данные с ответами в вопроснике. Компьютер перемножил коэффициенты и оценил стоимость еремеевской квартиры в девятнадцать тысяч пятьсот долларов вместо ожидавшихся двадцати тысяч.
- Пятьсот долларов мы добавим вам в качестве премиальных – за то, что помогли найти нам нового клиента.
- Еремеев удивленно поднял брови, удержавшись, однако, от недоуменного восклицания, чему долго и упорно учил себя еще с курсантских времен.
- Ваш сосед, – торжественно объявила Тамара, – следуя вашему примеру, решил продать квартиру именно через наше агентство. Не так ли, Василий?
- Да, – подтвердил клерк, – он пришел, когда мы осматривали со старушкой вашу квартиру, и сказал, что у вас есть какая-то договоренность...

– И что же?

– Он поехал за мной и ждет своей очереди в приемной.

У Еремеева похолодела спина, он с трудом сохранил спокойствие и допил чашечку остывшего кофе с тем видом, с каким подносят к устам горькую чашу судьбы.

– Когда я могу получить свои деньги?

– Прямо сейчас, если подпишете договор о продаже и передадите приватизационное свидетельство.

Еремеев подписал и достал из чемоданчика нужный документ. Пока Тамара отсчитывала зеленовато-белесые сотенные бумажки, он, положив чемоданчик на колени, лихорадочно соображал, что делать. Затеять перестрелку в приемной было безрассудно во всех отношениях. Уйти через окно? Но оно зарешечено. Объяснить Тамаре, что за клиент сидит у нее в приемной, и вызвать ПМГ? Может быть... Но станет ли киллер ждать лишние минуты?

Пальцы сами собой нащупали в чемоданчике рукоятку кортика. Выйти и дать тихий, но решительный бой? А потом долго и бездоказательно объяснять коллегам из ближайшего отделения, почему ты напал первым?

– Вот ваши двадцать тысяч. – Тамара придвинула ему пухлую пачку. – Все девяностого года. Пересчитайте! Василий, принеси шампанское – мы отметим сделку.

Еремеев машинально пересчитывал купюры, выигрывая время. Но ничего путного в голову не приходило. Он сунул пачку в чемоданчик, приподняв пакет, в котором лежали тридцать тысяч Карининых баксов. Полсотни тысяч! Кто бы мог подумать, что этот невзрачный чемоданчик будет хранить в себе такую сумму! Но что толку... Будь он весь забит такими банкнотами, ничто уже не могло изменить неотвратимого.

Василий вернулся с бутылкой полусладкого «Спуманте», нарумяненная блондинка Танечка расставляла фужеры...

«Как там у Чехова – шампанское марки “Их шторбе” – “Я умираю”. Говорят, он умер с бокалом шампанского в руке. Красиво. Взять сейчас и выйти к нему с бокалом шампанского. Стреляй, гад!.. Смотри, как умирают русские офицеры!.. Спокойно, капитан Еремеев! У вас в мозгах сплошная сирень. Думайте. Думайте быстро! Еще есть несколько минут...»

Чокнулись.

– За ваше будущее новоселье! – улыбнулась ему Тамара.

– Я вас приглашаю заранее!

– Тогда вот вам моя визитка. Я только поправлю домашний телефон. Он изменился...

Еремеев сунул визитную карточку в карман пиджака, и рука его наткнулась на браслет с проводками. Электрошокер! Как же он мог забыть про него?! Это открытие ударило его словно разряд – спасение! Он еще боялся поверить в это, но мысли бешено неслись по новому кругу...

– А что, если мы пригласим моего соседа?

– Прекрасная идея! – одобрила Тамара. – Я сама хотела предложить...

Еремеев шагнул в приемную, прикрыв за собой дверь. Конечно же, это был он – качок из белого «мерседеса», позавчерашний ночной визитер, несостоявшийся понятой, Каринин бультерьер, убийца Дельфа, охотник-киллер...

Еремеев заставил свои губы растянуться в улыбку. Право, это был злобный оскал...

– Здорово, Лео, – протянул он руку. Секундное замешательство стоило охотнику за черепами многого... Он машинально подал ладонь, приподнялся и тут же без звука рухнул в мягкое кресло. Электрошокер сработал с легким треском лейденской банки. Еремеев распахнул черный кожаный пиджак Лео и вытащил из-под левой подмышки «браунинг», висевший в подвесной кобуре. Из внутреннего кармана он достал паспорт, водительское удостоверение и пачку десятидолларовых банкнот. Пачку оставил, а документы вместе с пистолетом переложил в свою куртку. В боковых карманах пиджака оказались связка ключей и пластиковая коробочка со шприц-тюбиками. И то и другое стали тоже боевыми трофеями. Только тут Еремеев обна-

ружил в левой руке качка зажатую в пальцах иглу шприц-тюбика, отчего кисть его походила на ядовитую клешню скорпиона. Осторожно высвободил жало из мясистых пальцев, и Лео вдруг застонал, зашевелился. Надо было спешить, электроразряд для такой туши мог оказаться не слишком сильным. И все же он улучил секунду и, приподняв ногу поверженного недруга, взглянул на подошву ботинка. На литом массивном каблуке, словно матрица, была выдавлена литера «U». Он! Скотина...

Еремеев распахнул дверь в кабинет.

– У него что-то с сердцем!.. Василий, позови из машины его приятеля. Там должен стоять белый «мерс».

Клерк послушно рванулся с места. Блондинка-операторша бросилась в приемную, а Тамара рылась в ящиках стола в поисках таблеток валидола.

– Надо вызвать скорую! – осенило ее, и она схватила телефонную трубку. Никто не обратил внимания, как Еремеев подхватил свой чемоданчик и вышел на улицу. Он сделал это вовремя, так как из «мерседеса» уже вылезал напарник Лео, и сталкиваться с ним нос к носу ему совсем не хотелось. Он встал за автобус, приткнувшийся у тротуара, подождал, когда Василий и тот, второй, скрылись в дверях, а потом метнулся к «мерседесу». Ключ от дверцы без ошибочно отыскался в связке вместе с ключом от зажигания.

В спешке никто не включил охранную сигнализацию. Еремеев завел двигатель и вывернул на одну из сокольнических аллей. Он правил на Олений Вал, где у Деревянного моста через Язу была дикая моечная площадка. Там он намеревался осмотреть машину и оставить ее. Вдруг закурлыкал телефон. Он снял трубку.

– Ну как? – поинтересовался жесткий старческий голос.

– Порядок.

– Взяли?

– Да.

– Как он?

– Спит.

– Давай ко мне!

– Куда именно?

– Как куда?! – изумилась трубка. – Кто у телефона? Ты, Гудок?

– Это я, Лео.

– Что у тебя с голосом?

– Пиво холодное.

– Немедленно на дачу!

– Есть, шеф.

Он притормозил и остановился под большим кустом зацветающей сирени. Быстро осмотрел перчаточное отделение, которое, вопреки шоферскому жаргону, никогда не называл «бардачком». В «перчаточнице» ничего интересного не обнаружилось, кроме туристской схемы ближнего Подмосковья в направлении Клина. Интересными в ней были пометки шариковой ручкой, и Еремеев спрятал схему в чемоданчик. Затем он пролистал паспорт Лео, Леона Игоревича Ковальчука, почему-то русского, 1970 года рождения, неженатого, военнообязанного, прописанного в Безбожном переулке, дом десять... Прикинул, если по Рижской эстакаде, то через четверть часа будет в Безбожном. А может, и того раньше. Лишь бы не угодить в пробку на съезде. Он еще сам не знал, что станет делать в доме номер десять, но душа взывала к немедленной и беспощадной мести. Развернулся и двинулся к эстакаде.

«Леон Ковальчук... Леон Коваль... Леон-Ковалло. Леонкавалло. Хорошая розыскная кличка. Не тем, конечно, будь помянут автор “Паяцев”. Но уж мнемоника очень хороша.

Может, не стоит к нему переться? Бросить этот поганый “мерс” где-нибудь в Сокольниках, выкрутить свечи, проколоть скаты...» Нет, душа жаждала большего...

«Как ныне собирается вещий Олег отмстить неразумным хазарам, – пропел он про себя и улыбнулся – все совпадало. – Их нивы и села за буйный набег обрек он мечам и пожарам».

Неразумный хазар Леонкавалло жил на третьем этаже. Еремеев сначала позвонил в стальную, обитую черной кожей дверь, выждал время и отыскал на трофейной связке массивный ключ от сейфового замка.

«Он в мой дом вошел, и я войду... Нехорошо, однако, зуб за зуб получается». Но глас христианского благочестия умолк в боевой дрожи взвинченной души. И он вошел...

Это было типичное жилище жирующего холостяка, к тому же весьма состоятельного. Японская видеодвойка с солидной подборкой шведских и немецких порнокассет составляла алтарь этого дома в изножье широченной тахты. На плакате в полстены с бюстом Чичколины красовалась коллекция из пластиковых, резиновых, черт знает каких еще фаллосов всех цветов, форм, размеров. Посреди голубого персидского ковра, застилавшего комнату, стоял «музыкальный центр» с разбросанными вокруг лазерными дисками и пивными жестянками. Стойка домашнего бара на кухне была забита разнофигурными бутылками коньяков, водок и вин. Несколько озадачили избирательные плакаты Жириновского и Глеба Якунина, расклеенные на кафеле над мойкой. Но Еремеев не стал вникать в особенности политического мировоззрения Леонкавалло. Первым делом он наполнил ванну горячей водой и высыпал туда пачку поваренной соли. Затем поочередно утопил в ней телевизор, видеомагнитофон, музыкальный центр и весь порнушник. Немного подумав, швырнул в соленую воду телефонный аппарат с автоответчиком, предварительно вытащив и переложив в карман кассету с записями посланий. Парящая ванна с баррикадой электронных шедевров Японии являла собой законченную сюрреалистическую композицию.

Вернувшись в комнату, он содрал с бюста итальянской звезды экзотическую коллекцию фаллосопклонника. Не найдя ей лучшего применения, свалил в помойное ведро и вынес на площадку мусоропровода. Соседка, столь некстати вышедшая навстречу из лифта, проводила его икебану в ведре вытарашенными глазами.

Прежде чем покинуть жилище врага, он расплескал по стенам и голубому ковру какой-то красный ликер, а в кухне устроил маленький коньячно-водочный потопчик.

Все. Кровь Дельфа отомщена.

Он запер тяжелую стальную дверь на все замки и выбросил ключи в мусоропровод. Сбежал вниз, сел в машину, отогнал ее в Сокольники на облюбованную моечную площадку у Деревянного моста. Радиотелефон несколько раз подавал сигналы вызова, но Еремеев оставил их без внимания. Зато, добравшись до места, вытащил из трубки мембрану и микрофон. Из автомагнитолы торчала кассета, он вытащил ее. На этикетке был изображен красный череп с черной розой в зубах в венчике из готических литер «Сотана ТВ-э». Кассета тоже отправилась в «тревожный» чемоданчик. Дальше он сделал все то, над чем уже поразмыслил про себя: выкрутил свечи из цилиндров, снял номерные знаки, проколол кортиком скаты. Пожалел, что нет сахара, чтобы насыпать в бензобак. Номерные знаки, свечи и мембрану с микрофоном бросил с моста в Язу. Подозвал мальчишек-мойщиков.

– Ребята, вон тот «мерс» – брошенный. Можете разбирать его на запчасти.

Пацаны набросились на машину, словно пираньева стая на труп коровы. Можно было не сомневаться, что через час-другой от белого «мерса» останется только остов.

У бензозаправки Еремеев нанял частного – владельца старомодной с никелированным оленем на капоте «Волги» и покатил в центр, к коню, к памятнику Юрию Долгорукому. Только теперь, покачиваясь на мягких подушках, он позволил себе расслабиться, отчего сразу же сладко заныли, задрожали поджилки. Все-таки нервы уже ни к черту! А разве не так же бывало в Афгане после любой переделки. «Нормальная реакция, Еремеев, релаксируй. Отбой боевой

тревоги!.. Все нормально. Все удалось. Дуриком, конечно. Где на арапа, где на фукса. И если провести нормальный разбор полетов, то вы, капитан Еремеев, действовали во многом грубо, нерасчетливо, непредусмотрительно. Во-первых, надо было предупредить этого клерка Василия, чтобы он во время осмотра квартиры ни с кем не вступал ни в какие переговоры. Во-вторых, не надо было угонять “мерс”, а если уж угнал, не стоило возвращаться на нем к Деревянному мосту, так как за полчаса, прошедшие с момента угона, напарник Леонкавалло вполне мог сообщить в милицию, и постами ГАИ дали бы ориентировку. И вообще весь этот погром, учиненный в Безбожном переулке в духе Маргариты из булгаковского романа, позволителен разгневанной дамочке, а не бывшему работнику правоохранительных органов, который так кичится своей школой жизни: флот, Афган, Петровка, 38...»

Весьма недовольный собой, Еремеев расплатился с водителем и вылез на Советской площади, некогда Скобелевской. До назначенной встречи с Кариной оставался еще час. Как всегда, после пережитых стрессов, проснулся волчий голод. Можно было зайти в «Арагви» и заказать все, что душе угодно, но Еремеев еще не осознал, что он весьма богат – по московским меркам – и может позволить себе обед в ресторане. По старой привычке он поднялся в стоячую забегаловку на втором этаже старого дома против входа в кафе-погребок. Взял длинную немецкую сардельку – броквурст, салат из кислой капусты в мисочке из рифленой фольги, стакан кофеподобного напитка и песочное кольцо. Терзая алюминиевой вилкой тугой броквурст, он думал о главном своем проколе – не надо было отпускать Карину. Нет никакой гарантии, что она не вернется с повинной в свою фирму и не выдаст его хотьковское убежище. Нет никакой уверенности в том, что она не приведет за собой «хвост», если вообще придет на прощальный обед. Да и на кой ляд сдалась ему эта фифа? Тоже мне, Сонька Золотая Ручка! Золотая. Да не Ручка... С глаз долой, из сердца вон. Хватит мозги в сирень переводить! Нашел боевую подругу... А что? Как она помогала на вчерашнем побоище? Не растерялась, не струсила... Это все хорошо, но этого мало, как поет любимая народом шансонетка. Тамара – вот твой шанс.

Он достал ее визитку: «Тамара Викентьевна Озолиныш. Директор филиала “Орбис”»... Судя по домашнему телефону, живет где-то в Ясенева. Совсем другой конец Москвы. То, что надо... Может, позвонить ей сейчас, назначить свидание?

От невеселых размышлений его отвлек некий тип, стоявший за соседним столиком, явно бомж, судя по затрапезной кацавейке и мятым грязноватым брюкам. Тип не сводил голодного взгляда с остатка еремеевской сардельки. Ждал – не останется ли поживы.

Нет, бежать надо, бежать из этого чудовищного города! Порт пяти морей ушел на дно Великого Криминального Океана. Все людское отребье стекалось сюда грязными ручьями – от бродяг-бомжей до наемных политиков, от великосветских шлюх до вокзальных шалашовок. Нет ни одного самого гнусного преступления, которое бы не творилось ежечасно и ежеминутно в чреве Москвы. О, это он знал как никто другой... Оперативки, которые зачитывались им по утрам, потрясали, казалось бы, окостеневшие души всезнающих и все видевших московских сыщиков. Милая, добрая, хлебосольная старая Москва вместо Третьего Рима превратилась во второй Вавилон, в Содом посреди Гоморры...

Бежать!

Куда?

Был еще один – запасной – вариант. Если жизнь совсем допечет, уехать в Туркмению, в Ашхабад, где жил старый фронтовой друг отца – полковник, пограничник Сулай. Тот, еще командуя отрядом на иранской границе, много лет безнадежно зазывал в гости и отца, и его в райские, судя по его письмам, края, где «газели пьют росу из цветов лотоса». Так и не выбрались. Может, сейчас махнуть? В Туркмении тишь да благодать. Самая спокойная республика из бывшего СССР. Купить домик в благословенной Фирюзе по соседству с Сулаем... Ага, и фазанов завести, и зажить, как достославный российский таможенник Верещагин из «Белого солнца пустыни», полной чашей, икру ложкой загребать...

Нет, домик он давно собирался прикупить, и не в Туркестане, а на берегу моря, где-нибудь в Севастополе или под Ялтой, так, чтобы по утрам, выбежав из дверей в плавках, сразу же нырять в солнечную пузырчатую голубую колышень, а по вечерам чтобы волны захлестывали на ступени дома...

Взгляд голодного бродяги становился все нестерпимее. Еремеев оставил кусок броквурста и подошел к прилавку заказать новую порцию. Краем глаза он видел, как бомж перебрался за его стол – поближе к сарделечному охвостью. Еремеев вернулся на свое место и поставил перед мужиком картонную тарелочку с дымящимся немецким деликатесом, политым горчицей и кетчупом.

– Ешь!

Бродяга не стал себя долго упрашивать. Длинная колбаска враз укоротилась вдвое.

– Освободился, что ли? – поинтересовался Еремеев, отхлебывая свой кофе.

– Ага...

– По какой статье срок тянул?

– По сто...

– Квартирные кражи.

– Знаешь... Тоже сидел?

– Нет. Я сажал.

– Мент?

– Следователь. Теперь бывший.

– Спасибо за угощение, гражданин начальник, – широко улыбнулся мужик. Было ему на вид лет сорок. Курнос и синеглаз. Окает.

– Не вологодский?

– От, мать честная, насквозь видит! Ну, ты, видать, и колол нашего брата... Череповецкий я. Череповец, слышал, такой город есть?

– Слышал. Еще будешь?

– Не держи меня за нахала. Но... Оголодал малость. Буду! Дай тебе Бог незлую тещу.

Еремеев заказал еще одну сардельку, стакан кофейной бурды и два песочных кольца. Все это незамедлительно исчезло под рыжеватыми усами бомжа. Еремеев принялся. Мочой от него не пахло. Еще не совсем опустил.

– Зовут тебя, судя по наколке, Павел?

– И тут угадал, черт глазастый! Павел. Пашка, Павел Артамонович... Слушай, а поехали со мной в Иркутск? А? Ты мне только билет купи. А я тебе покажу, где Колчак золото спрятал. Ей-богу, знаю! Мне дед один – очень надежный старичок, из бывших – на карте все показал. Я знаю. Один знаю. Больше никто. Поехали со мной? Мне б только денег на дорогу собрать. А там три ящика со слитками. Орлами еще двуглавыми клейменные. Возьмем сколько упрем.

Мужичок говорил это с таким жаром, с каким убеждать могут только отпетые кладоискатели-фанатики. Было в нем что-то располагающее к себе – то ли улыбался обаятельно, то ли глаза не утратили живого блеска и сверкали заговорщически – так мальчишки делятся меж собой страшными тайнами. Вдруг повеяло чем-то из детства: «Остров сокровищ», харчевня, пираты, клады... Да это и был русский вариант стивенсоновского романа – московская забегаловка, бывший зэк, золото Колчака, Сибирь, орленые слитки...

– Ну что, едем? – настаивал Артамоныч.

– Уговорил, черт языкатый, – усмехнулся Еремеев. – Едем. Только для начала слегка тебя приоденем.

Они вышли в Столешников переулочек и здесь, в бывшей комиссионке, а ныне магазине готового платья, выбрали Артамонычу коричневый в полоску недорогой костюм, бежевую немаркую рубашку и галстук в цвет будущих носков. Переоделся он в примерочной кабине,

слегка обалдев и от произошедшей в его жизни перемены, и от собственного отражения в зеркалах.

– Ботинки бы тебе еще сменить, – сказал Еремеев, посмотрев на лагерные «прогары» своего компаньона, – да еще постричь слегка – цены бы тебе не было. Но это в другой раз.

Артамоныч деловито перекаладывал из старой одежды в карманы костюма все свое имущество: справку об освобождении, самодельный перочинный нож, коробок спичек, обломок расчески, пригоршню российских монет, пачку чудовищных лезвий «Балтика», простецкий бритвенный скребочек, протертый на углах почтовый конверт с письмом...

До прихода Карины оставалось четверть часа.

– Значит, так, – распорядился Еремеев, когда они выбросили на заднем дворе магазина обноски Артамоныча в мусорный контейнер. – Беру тебя на работу в свою фирму.

– Что за фирма такая? – осторожно поинтересовался бомж.

– Фирма «Золото Колчака». Сокращенно – «ЗэКа».

– Здорово, – усмехнулся Артамоныч. – ЗэКа. Это что ж, в мою честь, значит?

– Считаю, что в твою. Фамилия, имя, отчество?

– Пупышев Павел Артамонович. Одна тысяча девятьсот сорок девятого года рождения, город Череповец Вологодской области, – привычно доложил бывший зэк.

– Основная гражданская специальность?

– Да все могу помаленьку – и плотничать, и слесарить, и шоферить. На газосварке могу.

– В армии служил?

– А как же. Аж в самой Германии! Младший сержант. Командир танка.

– «Т-62»?

– Нет, у нас еще «пятьдесятчетверки» были. А к концу службы «шестьдесят вторые» получили.

– Хорошо. Будешь при мне помощником по особым поручениям.

– Вроде как адъютант?

– Да. Вот тебе аванс. За май. – Еремеев вытащил из бумажника столларовую бумажку.

– Уй, мама родная, денга-то какая! – изумился Артамоныч. – Сроду в руках не держал.

– Купишь потом себе нормальные ботинки, носки и носовой платок.

– Есть!

– Стрелять умеешь?

– Так точно.

– Да ладно тебе каблуками щелкать. Иди сюда.

Они отошли в глухой закоулок двора за пожарную лестницу. Еремеев достал из куртки трофейный «браунинг».

– Держи!

– Ой нет, гражданин начальник, на мокрое дело не пойду. Я на свободе и месяца не погулял. Опять в отсидку не хочу.

– Никаких мокрых дел. Просто прикроешь меня с тыла. Сейчас ко мне придет девушка. Проверишь – нет ли за ней «хвоста». Потом спустишься вслед за нами в погребок, сядешь за столик у входа в зал и будешь вести скрытое наблюдение за нами и посетителями. В случае чего, действуй по обстоятельствам. Отход через кухню. Там есть служебная лестница. Если все нормально, будешь следовать за нами на расстоянии зрительной связи, то есть не теряя из виду. Теперь смотри сюда. Это тебе для подстраховки вроде расписки.

Еремеев достал из чемодана рабочий блокнот следователя, вырвал страницу и быстро набросал: «Я, капитан милиции Еремеев Олег Орестович, настоящим заявляю, что пистолет системы “браунинг” № 567192 изъят мною у гр. Леона Игоревича Ковальчука и передан во временное хранение моему помощнику Павлу Артамоновичу Пупышеву, младшему сержанту

запаса, с целью сдачи оружия в правоохранительные органы, если я не вернусь с операции по обезвреживанию преступников из банды “Сотана ТВ-э”. Подпись. Дата.

– Устроит тебя такая ксива?

Артамонич пробежал глазами, посерьезнел и вложил расписку в справку об освобождении.

– Теперь другой коленкор. Ну-ка, покажи, где здесь предохранитель.

Еремеев показал.

– У меня тоже пушка. В случае чего – отобьемся.

– А их много будет?

– Не думаю. Вот этого типа запомни хорошенько. Он может появиться. Рослый такой амбал-качок.

Еремеев достал паспорт Леонкавалло и показал фотографию.

– Запомнил?

– Ага. Морда кирпича просит.

– Оставь пока у себя. В случае чего сдашь вместе с пистолетом и моей распиской в Тридцатое отделение милиции. Это на Преображенке. Там меня знают. Найдешь следователя Махалина. Повтори!

– Отдать Махалину в Тридцатое на Преображенке.

– Порядок. Пошли. Держись от меня шагах в двадцати.

– Есть.

«Вот так происходит сращивание правоохранительных органов с преступным миром, – грустно усмехнулся про себя Еремеев. – Так рождается мафия. Поздравляю вас, крестный отец, с еще одним кланом».

Как и большинство его коллег, он самонадеянно полагал, что разбирается в людях, несмотря на то, что жизнь не раз, и не два давала понять обратное. Вот и сейчас он был совершенно уверен в человеке, шедшем за его спиной, ничуть не догадываясь о тайных мыслях весьма смятенного бомжа: рвануть бы от греха подальше, забросив «пушку» в ближайшую урну. Деньжищ аккурат до самого Иркутска хватило бы, да еще на веселую дорожку. Тем не менее он послушно следовал за странным ментом, сжимая в кармане новенького пиджака опасную игрушку.

Глава десятая. Сломай дом, построй корабль

Карина пришла почти вовремя, опоздав всего на десять минут. Но и их хватило Еремееву для весьма мучительных душевных терзаний – предали его или нет.

– Взяла билет на ночной поезд, – объявила она, сбросив с плеча надоевшую за день сумку. Еремеев перехватил ее, и они спустились в уютный погребок, оформленный на манер старомосковского трактира. Официант зажег свечи на их столике, затем принес шампанское, рыбное ассорти и мясо в горшочках. Чуть поодаль пристроился, спустя некое время, и помощник для особых поручений, стыдливо спрятав под столик свои чудовищные башмаки. Карина не обратила на него никакого внимания.

– Я тебя провожу. – Еремеев разлил шампанское по бокалам, и те зашумели, словно морские раковины в прибор. – И не поминай меня, пожалуйста, лихом!

– Не буду, – пообещала Карина, налегая на семгу с лимоном. Она тоже зверски проголодалась. – Вообще не буду тебя вспоминать ни добром, ни худом.

– Ну и правильно! У тебя начнется сейчас совершенно новая жизнь. Может быть, лучшая, чем была.

– Старую ты мне, конечно, здорово поломал.

– Что ни делается, все к лучшему. Кто-то сказал, что жизнь – это самый большой зал ожидания. Я бы уточнил – анфилада залов ожидания. И ты просто перешла сегодня в новый зал. Будет новый город, новые люди, новые знакомые, новые любви. Главное, что продолжение следует. Тебе ничего не поздно начать сначала.

– А тебе?

– Я уже столько раз начинал...

– Ну и как?

– Как видишь. С переменным успехом.

– У тебя тоже «продолжение следует». Это главное. Хуже, когда – все, тупик.

Еремеев снял со свечи восковой натек, размял его в пальцах.

– Тупиков, пока человек жив, не бывает. Всегда ищи дверь в стене тоннеля. Вот за нее и выпьем. За дверь!

Прощальный обед прошел без эксцессов. Они благополучно вышли из погребка и побрели вниз по Столешникам. Артамоныч шел за ними следом. Еремеев впервые за эти дни почувствовал себя спокойнее – его спина была прикрыта. Он даже развеселился и купил дурацкую игрушку-хохотушку – «мешок со смехом», и смехом весьма заразительным.

– А ты нашел свою дверь в стене тоннеля? – спросила его Карина.

– Пока ищу. Кстати, я хочу познакомить тебя со своим помощником для особых поручений.

Еремеев подозвал жестом Артамоныча и представил Карине.

– Что, тоже из ФСК? – насмешливо спросила она.

– Почти, – скромно заметил глава фирмы «Золото Колчака». – Он только что из спецкомандировки, не успел сменить обувь.

Артамоныч взял у Еремеева дорожную сумку и перевесил на свое плечо. Они зашли в магазин и выбрали ему итальянские полуботинки. Но помощник по особым поручениям, оказалось, с детства мечтал о кроссовках, и умолил их купить ему пару белых болгарских «маратонков». Продащица с изумлением пронаблюдала смену лагерных «говнодавов» на спортивную обувь, происшедшую на ее глазах, и сердобольно подсказала, где поблизости можно приобрести носки и носовой платок. Через полчаса Артамоныч был экипирован с иглолочки и радостно притоптывал пружинистыми подошвами:

– Да в таких шузах до Иркутска добежать можно!

– А что, – обратился Еремеев к Карине, – может, поедешь с нами золото Колчака искать?

– А это куда?

– В Иркутск, – охотно сообщил Артамоныч.

– Иркутск – это где? – обнаружила зияющую брешь в географических познаниях Карина.

– Это примерно там, где Венеция, – пояснил Еремеев. – Только в обратную сторону.

– В Сибири, что ли? Нет. Лучше пригласите девушку покататься на яхте! – кивнула

Карина на объявление с изображением паруса. Компьютерная распечатка была наклеена на водосточную трубу на углу коммерческого банка, мимо которого они проходили. Еремеев прочитал текст, потом еще раз и еще раз.

«Внимание господ яхтсменов, туристов и путешественников!

Срочно продается крейсерская яхта с комфортабельной каютой (все бытовые удобства: газ, санузел, душ, телевизор, радиотелефон). Яхта снабжена шведским дизелем фирмы “Вольво”. Постройка польская. Стоячий и бегучий такелаж – английской работы. Полный комплект парусов рижского производства. Общая парусность 40 квадратных метров. Район плавания не ограничен. Стоянка на Пироговском водохранилище.

Цена – договорная.

Телефон для справок... Спросить Александра Яковлевича».

Судя по девственно-целой бумажной бахrome с телефонами, никто из посетителей коммерческого банка не собирался звонить владельцу чудо-яхты.

– Слабо купить? – подзадоривала Карина.

Вместо ответа Еремеев оторвал бумажку с телефоном и направился к ближайшему автомату. Похоже, что в стене его житейского тупика и в самом деле прорисовалась дверь. Он еще боялся в это поверить. Телефонный диск вращался как рулетка судьбы. Что если в этих цифрах, которые он сейчас набирает, зашифровано его счастье?

– Слушаю вас внимательно! – раздался в трубке певучий голос весьма немолодого человека.

– Александр Яковлевич? По объявлению насчет яхты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.